Клайв С. Льюис

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Последняя битва
Клайв Стейплз Льюис

Аннотация
Клайв Льюис. Последняя битва
Глава первая. У Каменного Котла
Глава вторая. Опрометчивость короля
Глава третья. Обезьян во славе
Глава четвёртая. Что случилось этой ночью
Глава пятая. Как к королю пришла помощь
Глава шестая. Славная ночная работа
Глава седьмая. В основном о гномах
Глава восьмая. Какие вести принёс орёл
Глава девятая. Великое собрание у хлева на холме
Глава десятая. Кто войдёт в хлев
Глава одиннадцатая. События ускоряются
Глава двенадцатая. Через дверь в хлев
Глава тринадцатая. Как гномы не дали себя провести
Глава четырнадцатая. В Нарнии наступает ночь
Глава пятнадцатая. Дальше вверх и дальше вглубь
Глава шестнадцатая. Прощай, страна теней

Аннотация

Власть в Нарнии захвачена самозванцем, и последний король собирает преданное ему малочисленное войско на последнюю битву. Джил и Юстас готовы помочь королю Тириану восстановить мир на благословенной земле.

Сумеет ли войско, сражающееся во имя добра и жизни, сохранить свет в сгущающейся тьме?

Клайв Льюис
Последняя битва

Глава первая
У Каменного Котла

В последние дни Нарнии далеко к западу, за Фонарной Пустошью, у самого Великого Водопада,

жил Обезьян.

Лет ему было столько, что никто уже не помнил, когда поселился он в этих местах, и был он умнейшим, безобразнейшим, самым морщинистым обезьяном, какого только можно себе вообразить. Звали его Хитр, и жил он в развилке большого дуба в деревянном, крытом листьями домике. В этой части леса редко встречались говорящие звери, люди, гномы или какой-нибудь иной народ. Однако у Хитра был сосед и друг, осёл по имени Лопух. По крайней мере они называли себя друзьями, но со стороны вам показалось бы, что Лопух скорее слуга Хитра, чем друг, — ведь любая работа доставалась ему. Когда они вместе ходили на реку, Хитр наполнял водой большие кожаные бурдюки, но обратно их тащил Лопух. Когда им нужно было что-нибудь в городе, ниже по течению, именно Лопух спускался вниз с пустыми корзинами на спине и возвращался с полными. А все те лакомства, которые он привозил, съедал Хитр, ещё и приговаривая: «Ты ведь знаешь, я не могу есть траву и колючки, значит, справедливо вознаградить себя чем-нибудь другим». Лопух всегда отвечал: «Конечно, Хитр, конечно, я знаю». Лопух никогда не жаловался: он считал, что должен быть благодарен уже за

то, что такой умный обезьян дружит с таким глупым ослом. Если Лопух и пытался иногда возразить, Хитр говорил: «Я, Лопух, лучше тебя знаю, что надо делать. Ты ведь неумён». И Лопух всегда отвечал: «Да, Хитр, это совершенно верно, я неумён», — вздыхал и делал, что ему велели.

Как-то утром в начале года оба они гуляли по берегу Каменного Котла — так называется глубокая котловина сразу под обрывами на западном краю Нарнии. Огромный водопад низвергается в озеро с непрерывным грохотом; с другой стороны вытекает Великая река, вода под водопадом беспрестанно бурлит и пенится, словно её кипятят; отсюда и пошло название Каменный Котёл. Ранней весной, когда в горах к западу от Нарнии тает снег, водопад вздувается и становится особенно бурным. Когда друзья смотрели на Каменный Котёл, Хитр вдруг указал на что-то чёрным лоснящимся пальцем.

— Смотри! Что это?

— О чём вы? — спросил Лопух.

— Что-то жёлтое только что проплыло по водопаду и упало в Котёл. Смотри, вот оно опять плывёт. Мы должны узнать, что это.

— Должны? — переспросил Лопух.

— Конечно, должны, — сказал Хитр. — Может,

это что-нибудь полезное. Будь другом, слазай-ка в Котёл и вытащи эту штуку. Тогда мы сможем её как следует рассмотреть.

— Лезть в Котёл? — спросил Лопух, прядая длинными ушами.

— А как же иначе мы её достанем? — сказал Обезьян.

— Но… но… — начал Лопух, — может, вам лучше вытащить её самому? Видите ли, ведь это вам интересно, что это, а совсем не мне. И потом, у вас есть руки, вы можете что-нибудь ухватить не хуже человека или гнома. А у меня только копыта…

— Да, Лопух, — сказал Хитр. — Не ждал от тебя… Я о тебе думал лучше.

— Что я такого сказал? — робко спросил осёл, ибо Обезьян казался глубоко оскорбленным. — Я хотел только…

— …чтобы я полез в воду, — сказал Хитр, — как будто ты не знаешь, какие у обезьян слабые лёгкие и как легко они простужаются! Прекрасно. Я полезу. Я уже продрог на этом ужасном ветру. Но я полезу. Возможно, я умру. Тогда ты пожалеешь. — Голос Хитра задрожал, словно он сейчас расплачется.

— Пожалуйста, не надо, пожалуйста, не надо, —

не то проговорил, не то прокричал по-ослиному Лопух. — Я не хотел сказать ничего такого, Хитр, правда. Вы ведь знаете, я ужасно бестолковый и не могу думать о двух вещах сразу. Я забыл про ваши слабые лёгкие. Конечно, я всё сделаю. Вы не должны сами лезть в воду. Обещайте, что не полезете, Хитр!

Хитр обещал, и Лопух зацокал копытами по каменистому берегу, ища спуск. Не говоря уже о холоде, совсем не шутка лезть в бурлящую и пенящуюся воду. Лопух целую минуту стоял, поёживаясь и набираясь решимости. Но тут Хитр окликнул его: «Может, всё-таки лучше мне?» — и Лопух поскорее сказал: «Нет, нет. Вы обещали. Я сейчас». — И вошёл в воду.

Волна с силой ударила его в морду, забила рот и ослепила. Потом он на несколько минут ушёл под воду, а вынырнув, оказался совсем в другой части Котла. Тут водоворот подхватил его, закружил всё быстрей и быстрей, отнёс под самый водопад и потянул вниз. Оказавшись почти на дне, Лопух подумал, что больше не вынырнет; а когда всё же вынырнул, увидел, что загадочный предмет тоже понесло к водопаду и тоже утянуло на дно, а всплыл он ещё дальше, чем прежде. В конце концов, смертельно уставший, продрогший, весь

в синяках, Лопух схватил-таки его зубами. Он вылез, таща эту штуку перед собой и путаясь в ней передними ногами, так как была она размером с хороший ковёр, очень тяжёлая, холодная и склизкая.

Он уронил её перед Хитром и остановился, дрожа, отряхиваясь и пытаясь отдышаться. Но Обезьян даже не спросил, как он себя чувствует, даже не посмотрел на него: он был слишком занят — ходил вокруг вытащенного предмета, расправляя, поглаживая и обнюхивая его. Наконец нечистый блеск появился в его глазах, и он сказал:

— Это львиная шкура.

— Э-о-о-о-х, неужели? — с трудом выговорил Лопух.

— Интересно… интересно… интересно… — бормотал Хитр в глубокой задумчивости.

— Интересно, кто убил бедного льва? — подхватил Лопух. — Надо его похоронить.

— О, это не был говорящий лев, — сказал Хитр, — об этом можешь не беспокоиться. Выше водопадов в Западных Дебрях нет говорящих зверей. Эту шкуру носил дикий, бессловесный лев.

Кстати, так оно и было. Человек-охотник убил и освежевал этого льва в Западных Дебрях

несколькими месяцами раньше. Но это не имеет отношения к нашей истории.

— И всё же, Хитр, — сказал Лопух, — даже если эта шкура принадлежала дикому, бессловесному льву, приличней было бы устроить скромные похороны. Я хочу сказать, что львы — это вообще довольно… довольно серьёзно. Сами знаете, из-за кого. Понимаете?

— Кончай рассуждать, Лопух. Ты в этом не силён. Из этой шкуры мы сделаем тебе шубу.

— Я не хочу, — сказал осёл. — Это будет… я хотел сказать, другие звери могут подумать… ну, в общем, я не хотел бы…

— О чём это ты? — раздражённо перебил Хитр.

— Я думаю, будет неуважением к Великому Льву, если такой осёл, как я, начнет расхаживать в львиной шкуре.

— Перестань, пожалуйста, спорить, — сказал Хитр. — Что такой осёл, как ты, в этом понимает? Ты не умеешь думать, Лопух, так предоставь это мне. Почему ты не хочешь относиться ко мне так же, как я к тебе? Я знаю твои сильные стороны и ценю их. Я позволил тебе лезть в Котёл, потому что знал — ты сделаешь это лучше меня. Но почему я не могу делать то, что я умею, а ты — нет? Позволят мне хоть что-нибудь делать? Будь же

справедлив.

— Ну конечно, раз так… — сказал Лопух.

— Вот и я говорю, — подхватил Хитр. — Чем рассуждать, лучше бы пробежался до Чипингфорда и посмотрел, нет ли там апельсинов и бананов.

— Я так устал, Хитр! — взмолился Лопух.

— Конечно, — сказал Обезьян, — и промок, и замёрз, а бег рысцой — лучший способ согреться. Кроме того, сегодня в Чипингфорде базарный день.

Лопух не стал спорить.

Оставшись один, Хитр тут же заковылял к своему дереву то на двух, то на четырёх лапах. Перемахивая с ветки на ветку, он забрался наверх, болтая и скаля зубы. В своём доме он нашел нитку, иголку и большие ножницы — он был умный Обезьян, и гномы научили его шить. Засунув в рот моток ниток (это была очень толстая нитка, скорее даже бечёвка), отчего щека у него оттопырилась, словно он сосал огромную ириску, Хитр взял иглу в зубы и ножницы в левую лапу. Затем спустился с дерева и заковылял к львиной шкуре. Присев около неё на корточки, он принялся за работу.

Сразу прикинув, что туловище шкуры великовато для Лопуха, а шея коротковата, он отрезал

большой кусок от туловища и смастерил из него длинный воротник для длинной ослиной шеи. Затем он отрезал голову и пришил воротник между головой и плечами. С обеих сторон шкуры он продел бечёвку, так чтобы она завязывалась у осла на брюхе. То и дело над ним пролетали птицы, и Хитр останавливался, озабоченно поглядывая наверх. Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел его работу. Но все эти птицы были неговорящие, так что он мог не волноваться.

Лопух вернулся поздно вечером. Он не бежал, а устало трусил.

— Апельсинов нет, — сказал он. — И бананов тоже. И я очень устал. — И он лёг.

— Иди сюда и примерь свою новую львиную шубу.

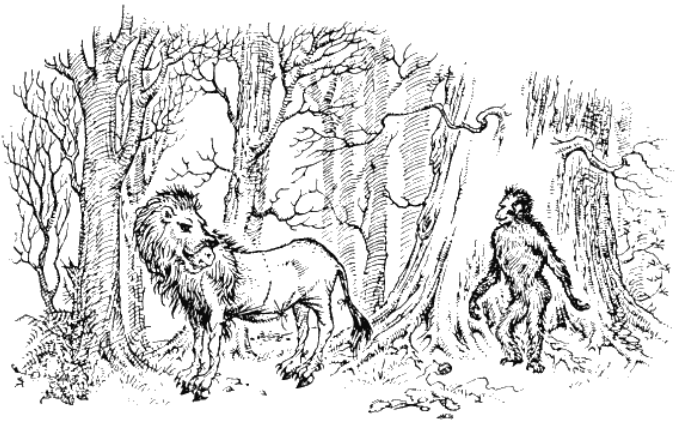
— Надоела мне эта шкура, — ответил Лопух. — Я примерю её утром. Сегодня я слишком устал.

— Какой же ты злой, Лопух, — сказал Хитр. — Если даже ты устал, что же говорить обо мне? Пока ты разгуливал по долине, я не покладая рук трудился над твоей новой шубой. Мои лапы так устали, что еле держали ножницы. А ты даже не сказал спасибо, даже не взглянул, тебя совсем не трогает, — и… и…

— Дорогой Хитр, — мгновенно поднялся Ло-

пух, — простите меня, негодного! Конечно, я хочу её примерить. Она просто потрясающая. Примерьте её на меня сейчас же.

Пожалуйста.

— Ладно, стой здесь, — сказал Хитр. Шкура была слишком тяжела для него, но наконец, пыхтя и отдуваясь, он напялил её на осла, завязал бечёвку под его брюхом, привязал ноги к ногам, а хвост к хвосту. Тот, кто видел настоящего льва, не ошибся б и на секунду. Но тот, кто льва не видел, глядя на Лопуха в львиной шкуре, мог бы принять его за льва, если, конечно, не подходить слишком близко, или при слабом свете и если Лопух не стал бы

кричать по-ослиному или стучать копытами.

— Ты выглядишь замечательно, просто замечательно, — сказал Обезьян. — Если кто-нибудь увидит тебя сейчас, он подумает, что перед ним сам Аслан, Великий Лев.

— Это было бы ужасно, — ответил Лопух.

— Нет, напротив, — возразил Хитр. — Все бы делали то, что ты прикажешь.

— Да я не хочу ничего приказывать.

— Подумай только, сколько добра мы могли бы сделать! — сказал Хитр. — Я бы тебе советовал, конечно. Я бы придумывал мудрые указы. И все подчинялись бы нам, даже король. Мы навели бы в Нарнии полный порядок.

— Мне казалось, что в Нарнии и так полный порядок, — сказал Лопух. — Разве нет?

— Как! — вскричал Хитр. — Полный порядок?! При том, что нет ни апельсинов, ни бананов?

— Ну, знаете, — сказал Лопух, — не так уж многим… я думаю, вряд ли они нужны кому-нибудь, кроме вас.

— И сахар тоже, — добавил Хитр.

— М-да, — промолвил осёл. — Его бы хорошо побольше.

— Итак, решено, — сказал Хитр. — Ты выдаёшь себя за Аслана, а я советую тебе, что говорить.

— Нет, нет, нет, — испугался Лопух. — Не говорите таких ужасных вещей. Так нельзя, Хитр. Я не умён, но это я знаю. Что с нами будет, если вернётся настоящий Аслан?

— Надеюсь, он будет очень рад, — сказал Хитр. — Возможно, он послал нам львиную шкуру специально, чтоб мы навели порядок. Как бы то ни было, пока он не возвращается.

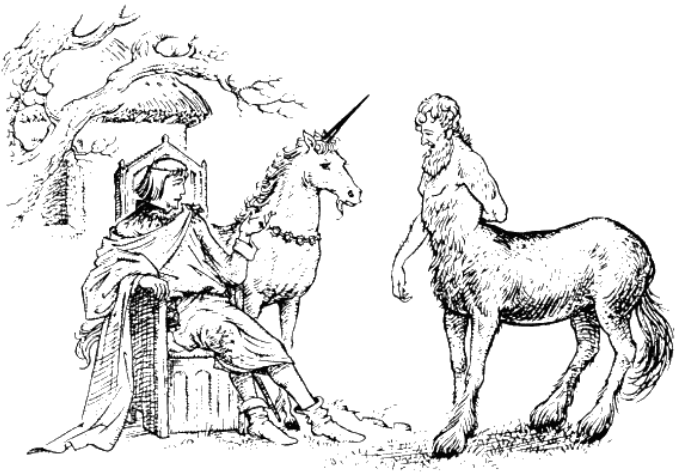
В этот самый момент прямо над ними раздался страшный удар грома, и земля задрожала под ногами. Оба зверя потеряли равновесие и повалились на землю.

— Вот, — с трудом выговорил Лопух, когда к нему вернулся дар речи. — Это знамение. Мы сделали что-то чудовищное. Сейчас же снимите с меня эту ужасную шкуру.

— Нет, нет, — возразил Обезьян (голова у него работала очень быстро). — Это совсем другое знамение. Я только что хотел сказать, что настоящий Аслан, раз уж ты его помянул, пошлёт нам землетрясение и гром, чтобы выказать своё одобрение. Я почти уже начал, но знамение произошло раньше, чем я успел произнести хоть слово. Теперь ты просто должен. И пожалуйста, не будем больше спорить. Ты прекрасно знаешь, что не разбираешься в таких вещах. Что может

осёл понимать в знамениях?

Глава вторая
Опрометчивость короля

Тремя неделями позже последний король Нарнии сидел под могучим дубом. Дуб рос перед дверью охотничьего домика, где король нередко проводил неделю-другую славной весенней порой. Домик был невысокий, крытый соломой и стоял недалеко от восточного края Фонарной Пустоши, несколько выше слияния рек. Король

любил пожить здесь простой жизнью, подальше от суеты и пышности Кэр-Параваля, королевского города. Звали его Тириан, лет ему было двадцать — двадцать пять, он был широкоплеч, крепок и мускулист, но борода только начинала пробиваться. У него были голубые глаза и бесстрашное, честное лицо.

Никого не было с ним этим весенним утром, кроме лучшего друга, единорога по имени Алмаз. Они любили друг друга, как братья, и каждый был обязан другому жизнью. Благородный зверь стоял возле королевского кресла и, изогнув шею, потирал голубым рогом белый, как сметана, бок.

— Знаешь, Алмаз, сегодня я просто не нахожу себе места, — сказал король. — Я не могу ни о чём думать, кроме этих удивительных новостей. Как ты думаешь, услышим мы сегодня что-нибудь ещё?

— Поистине удивительные вести, государь. Ни в наши дни, ни в дни наших отцов, ни в дни наших дедов не случалось подобного, — сказал Алмаз. — Если, конечно, это правда.

— Как это может быть неправдой? — сказал король. — Больше недели назад первая птица пролетела над нами, крича, что Аслан здесь, Аслан снова вернулся в Нарнию. Потом были

белки. Сами они его не видели, но сказали, что он, несомненно, в наших лесах. Потом прискакал олень. Он сообщил, что видел его собственными глазами, издалека, при лунном свете, на Фонарной Пустоши. Потом пришёл темнолицый бородатый человек, торговец из Тархистана. Тархистанцев не интересует Аслан, но этот человек рассказывал о его появлении как о чём-то несомненном. И, наконец, прошлой ночью приходил барсук — он тоже видел Аслана.

— В самом деле, государь, — сказал Алмаз. — Я верю в это. Если по мне этого не видно, то лишь оттого, что великая радость не даёт мне уверить-ся окончательно. Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

— Да, — промолвил король. Глаза его сияли, и он почти дрожал от восторга. — Я не смел и мечтать об этом.

— Слушайте! — сказал Алмаз, склоняя голову набок и настораживая уши.

— Что там? — спросил король.

— Стук копыт, государь, — отвечал Алмаз. — Скачет лошадь. Очень тяжёлая лошадь. Должно быть, кентавр. А вот и он.

Огромный златобородый кентавр стремительно приближался к королю. Человеческий пот

выступил у него на лбу, конский пот — на боках. Остановившись, он склонился в глубоком поклоне.

— Приветствую вас, — произнёс он низким, как у быка, голосом.

— Эй, мальчик! — крикнул король, оборачиваясь через плечо к двери охотничьего домика. — Чашу вина доблестному кентавру! Добро пожаловать, Руномудр. Когда ты отдышишься, ты сообщишь нам свои вести.

Из домика вышел паж с большой, причудливо вырезанной деревянной чашей и поднёс её кентавру. Тот поднял чашу и сказал:

— Я пью сперва за Аслана и за истину, государь, потом за ваше величество. — Он одним глотком выпил вино (которого хватило бы на шестерых крепких мужчин) и вернул пажу пустую чашу.

— Теперь скажи нам, Руномудр, — молвил король, — привёз ли ты новые вести об Аслане?

Кентавр нахмурил брови.

— Государь, — начал он, — вам известно, как долго живу и как долго изучаю я звёзды, ибо мы, кентавры, живём дольше людей и даже дольше твоего племени, единорог. Но ни разу за эти долгие годы не появлялись на небесах столь страшные знаки, как те, что я вижу каждую ночь

с начала этого года. Звёзды ничего не говорят ни о приходе Аслана, ни о мире, ни о радости. Благодаря моему искусству я знаю, что такого ужасного сочетания планет не было много столетий. Я хотел уже отправиться к вашему величеству и предупредить, что великое зло приближается к Нарнии. Но прошлой ночью меня достиг слух, что в Нарнию прибыл Аслан. Государь, не верьте этому. Этого быть не может. Звёзды не лгут, но лгут люди и звери. Если бы Аслан и впрямь прибыл в Нарнию, небеса предсказали бы это. Если бы он действительно прибыл, благоприятнейшие из звёзд собрались бы в его честь. Все слухи — ложь.

— Ложь! — с горячностью воскликнул король. — Кто в Нарнии, да и во всём мире, осмелится на такую ложь? — И, сам того не замечая, положил руку на рукоять меча.

— Я не знаю этого, о король, — ответил кентавр, — но я знаю, что на земле есть лжецы и что их нет среди звёзд.

— Я думаю, — сказал Алмаз, — Аслан может прийти, хотя бы все звёзды на небе предсказывали обратное. Он не раб звёзд, но их создатель. Разве не говорится в древних сказаниях, что он не ручной лев?

— Прекрасно сказано, Алмаз! — воскликнул король. — Это те самые слова: не ручной лев. Так говорится во многих сказаниях.

Руномудр поднял руку, собираясь сказать королю что-то важное, но неожиданно из леса послышались жалостные вопли. Они раздавались всё ближе, но лес на западе был такой густой, что пришельца было не разглядеть.

— О горе, горе, горе, — кричал голос, — горе моим братьям и сестрам! Горе священным деревьям! Леса пустеют. На нас идут топоры. Нас рубят. О горе, горе, горе!..

С последним возгласом появилась женщина, такая высокая, что голова её приходилась вровень с головой кентавра; и ещё она походила на дерево. Если вы никогда не видели дриаду, её очень трудно описать, но, хоть раз увидев, вы будете безошибочно её узнавать — по каким-то особенностям цвета, голоса, волос. Король Тириан и его друзья сразу поняли, что перед ними дух соснового дерева.

— Правосудия, государь! — вскричала она. — Я призываю вас на помощь! Будьте опорой своему народу! Они вырубают нас на Фонарной Пустоши. Сорок огромных стволов моих братьев и сестёр уже лежат на земле.

— Как, леди? Вырубают Фонарную Пустошь? Убивают говорящие деревья?! — вскричал король, вскакивая и выхватывая меч. — Как они посмели? И кто это посмел? Во имя Аслана…

— А-а-а, — выговорила дриада, вздрагивая, словно от сильной боли. Она вздрагивала через небольшие промежутки времени, словно от повторяющихся ударов, а потом — будто ей неожиданно перерезали обе ноги — упала в траву; ещё мгновение — и она уже была мертва; потом она исчезла. Все понимали, что это значит: за много миль отсюда срубили её дерево.

От скорби и гнева король на минуту потерял дар речи. Наконец он проговорил:

— Вперёд, друзья. Мы должны, не теряя ни минуты, поспешить вверх по реке и найти негодяев, поднявших руку на деревья. Пощады им не будет.

— Со всей моей охотой, государь, — промолвил Алмаз. Но Руномудр сказал:

— Государь, даже в гневе не следует терять осторожности. Назревают странные события. Если бунтовщики в долине вооружены, нам троим с ними не справиться. Если бы вы согласились подождать, пока…

— Я не желаю ждать и доли секунды, — сказал король. — Но пока мы с Алмазом отправимся вперёд, скачи во весь опор в Кэр-Параваль. Вот тебе опознавательный знак — моё кольцо. Возьми два десятка конных латников, и два десятка

говорящих псов, и десяток гномов, искусных в стрельбе из лука, и одного-двух леопардов, и великана Многопуда. Веди их вслед за нами, не теряя времени.

— Со всей моей охотой, государь, — сказал Руномудр. В следующую минуту он уже скакал галопом вниз по долине.

Король шёл большими шагами, то сжимая кулаки, то бормоча что-то про себя. Алмаз молча шёл рядом. Тишину нарушало лишь звяканье золотой цепи на шее единорога да мерная поступь чёрных копыт и двух ног.

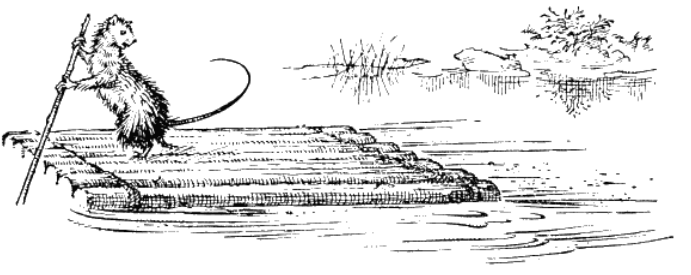
Вскоре они достигли реки и свернули на заросшую травой дорогу; слева от них была река, справа — лес. Спустя некоторое время они вышли к месту, где земля становилась неровной, а густой лес спускался прямо к воде. Дальше дорога шла по южному берегу. Тут был брод. Вода доходила Тириану до подмышек, но Алмаз (на своих четырёх ногах ему было куда легче держаться) шёл справа от него, ослабляя силу течения. Тириан сильной рукой обхватил шею единорога, и оба благополучно переправились на другой берег. Король все ещё был в таком гневе, что не заметил холода. Но, выйдя на берег, он, конечно, тотчас же вытер свой меч воротником плаща (это было

единственное место, оставшееся сухим).

Теперь они шли на запад; река была справа от них, Фонарная Пустошь расстилалась впереди.

Они прошли больше мили, когда оба вдруг остановились, одновременно воскликнув. Король сказал: «Что это?»; Алмаз — «Глядите!»

— Это плот, — сказал король Тириан. Так оно и было. Полдюжины великолепных стволов, свежесрубленных и очищенных от веток, были связаны в плот и быстро плыли по реке. На плоту стояла водяная крыса и споро правила шестом.

— Эй! Водяная крыса! Что это ты делаешь? — закричал король.

— Везу в Тархистан брёвна на продажу, государь, — сказала крыса и вежливо приподняла ухо, как могла бы приподнять шляпу, если б, конечно, шляпа на ней была.

— В Тархистан?! — загремел Тириан. — Что ты говоришь?! Кто приказал рубить эти деревья?

В это время года река течёт очень быстро, и плот уже миновал короля и Алмаза. Но крыса крикнула через плечо:

— Приказ Льва, государь. Самого Аслана. — И она прибавила что-то ещё, чего они уже не могли разобрать.

Король и единорог уставились друг на друга. Ни в одном самом опасном бою они бы так не испугались.

— Аслан, — очень тихо произнес наконец король. — Аслан. Может ли это быть? Может ли он рубить священные деревья и убивать дриад?

— Если только дриады не совершили чего-нибудь чудовищного, — прошептал Алмаз.

— Но продавать их в Тархистан… — сказал король. — Возможно ли это?

— Не знаю, — печально ответил Алмаз. — Он же не ручной лев.

— Ну что ж, — сказал наконец король. — Мы должны отправиться вперёд и принять ниспосланное нам приключение.

— Это единственное, что нам остаётся, государь, — сказал единорог. Он не подумал, как глупо им отправляться вдвоём; не подумал об

этом и король — гнев затуманил их мысли. Однако опрометчивость эта имела самые гибельные последствия.

Внезапно король тяжело оперся о шею друга и склонил голову.

— Алмаз, — сказал он. — Что нас ждёт? Ужас переполняет моё сердце. Если бы мы умерли днём раньше, мы были бы счастливы.

— Да, — сказал Алмаз. — Мы слишком долго жили. Наступает самое худшее. — Они постояли с минуту и продолжили путь.

Спустя некоторое время они услышали «тук-тук-тук» — стук топоров по бревну, однако ничего ещё не видели, потому что склон круто уходил вверх. Когда они достигли вершины, вся Фонарная Пустошь открылась их глазам. И от зрелища этого король побледнел.

Прямо в сердцевине древнего леса — где росли золотые и серебряные деревья и где ребёнок из нашего мира посадил некогда Древо Защиты — шла широкая просека. Это была страшная просека, она тянулась как свежая рана, изборождённая колеями от деревьев, которые тащили к реке. Кругом толпился занятый работой народ, хлопали бичи, лошади с усилием тащили брёвна. Сначала королю бросилось в глаза, что больше половины

толпы не говорящие звери, а люди. Ещё страшнее было то, что это не белокурые обитатели Нарнии, а темнолицые и бородатые жители Тархистана, великой и жестокой державы, лежащей к югу от Орландии, за великой пустыней. Не то чтобы в Нарнии нельзя было встретить одного-двух тархистанцев — торговцев или послов, тем более что между Нарнией и Тархистаном в то время был мир; но Тириан не мог понять, отчего их так много и почему они рубят нарнийский лес. Он крепче сжал меч и обернул плащом левую руку. Они быстро спустились.

Двое тархистанцев вели лошадь, тащившую бревно. В тот момент, когда король подошёл к ним, бревно попало на плохой участок колеи.

— Тащи, сын лени! Тащи, упрямая свинья! — кричали тархистанцы, щёлкая бичами. Конь и без того старался изо всех сил: глаза его налились кровью, он весь покрылся пеной.

— Работай, ленивая скотина! — закричал один из тархистанцев; при этом он жестоко стегнул лошадь. И тут произошла поистине ужасная вещь.

До сих пор Тириан не сомневался, что тархистанцы привели своих собственных лошадей, бессловесных и неразумных, подобно лошадям нашего мира. И хотя издевательство над бессло-

весной лошадью было ему отвратительно, он, естественно, больше думал об убийстве деревьев. Ему и в голову не приходило, что кто-нибудь посмеет запрячь свободную нарнийскую лошадь, тем более подгонять её бичом. Когда зверский удар обрушился на коня, тот поднялся на дыбы и произнёс, чуть не крича:

— Глупец и тиран! Не видишь — я делаю всё, что могу?!

Едва Тириан понял, что перед ним нарнийский конь, и его и Алмаза охватил такой гнев, что оба уже не понимали, что делают. Король поднял меч, единорог опустил голову, оба стремительно бросились вперёд. Через несколько минут тархистанцы лежали мёртвыми, один — обезглавленный мечом короля, другой — пронзённый в самое сердце рогом Алмаза.

Глава третья
Обезьян во славе

— Почтенный Конь, почтенный Конь, — говорил король, поспешно перерезая постромки, — как удалось чужестранцам поработить вас? Разве Нарния завоёвана? Разве была битва?

— Нет, государь, — задыхаясь, выговорил конь. — Аслан здесь. Всё это по его приказу. Он велел…

— Берегитесь, государь, — сказал Алмаз. Тириан поднял глаза и увидел, что со всех сторон бегут тархистанцы, а с ними несколько говорящих зверей. Двое убитых упали без крика, и прошло

несколько секунд, прежде чем остальные поняли, что происходит. Но теперь они поняли. Многие сжимали в руках ятаганы.

— Скорее! Садитесь на меня! — крикнул Алмаз.

Король вскочил на спину старому другу; тот поскакал прочь. Когда они оставили врагов далеко позади, единорог дважды или трижды сменил направление, пересёк ручей и крикнул, не замедляя шаг:

— Куда теперь, государь? В Кэр-Параваль?

— Остановись, друг мой, — промолвил Тириан. — Дай мне спешиться. — Он соскользнул со спины единорога и повернулся к нему.

— Алмаз, — произнес король. — Мы совершили тягчайшее преступление.

— Они нас вынудили, — ответил Алмаз.

— Но напасть на них врасплох, не вызвав их на бой, — напасть на безоружных! Я навсегда опозорен.

Алмаз понурил голову. Ему тоже было стыдно.

— И потом, — сказал король, — конь говорил, что это всё по приказу Аслана. И крыса говорила то же самое. Все говорят, что Аслан здесь. Что, если это правда?

— Государь, как же мог Аслан отдать столь ужасный приказ?

— Он не ручной лев, — сказал Тириан. — Откуда нам знать, что может и что не может Аслан. Нам, убийцам? Алмаз, я вернусь. Я отдам свой меч, предам себя в руки тархистанцев и попрошу их отвести меня к Аслану. Пусть он судит меня.

— Это верная смерть, — сказал Алмаз.

— Неужели, по-твоему, меня волнует, приговорит меня Аслан к смерти или нет? — произнёс король. — Не лучше ль умереть, чем жить и знать, что Аслан пришёл и не похож на Аслана, в которого мы верили и которого ждали? Как будто взошло солнце, и солнце это чёрное.

— Я понимаю, — сказал Алмаз. — Как будто ты пьёшь воду, и это сухая вода. Вы правы, государь. Идём, сдадимся сами.

— Нет надобности идти нам обоим.

— О, если только мы любили друг друга, дозвольте мне идти с вами теперь! — сказал единорог. — Если вы умрёте, а Аслан — не Аслан, зачем мне жить?

Они повернули и пошли назад, роняя горькие слёзы.

Как только они дошли до просеки, тархистанцы подняли крик и бросились на них с оружием. Но король протянул им меч рукоятью вперёд и сказал:

— Я, бывший король Нарнии, ныне — бесславный рыцарь, сам предаю себя правосудию Аслана. Ведите меня к нему.

— И меня тоже, — сказал Алмаз.

Темнолицые люди окружили их плотной толпой, пахнущей чесноком и луком, белки глаз угрожающе сверкали на коричневых лицах. Они набросили верёвочную петлю на шею единорога; они забрали у короля меч и связали ему руки за спиной. Один из тархистанцев, походивший на начальника (у него вместо тюрбана был шлем), сорвал золотой обруч с головы Тириана и поспешно спрятал в своей одежде.

Они провели обоих пленников вверх по склону холма, где была широкая вырубка. И вот что увидели пленники.

В центре вырубки, на самой вершине холма, стояла небольшая хижина, крытая соломой и походившая на хлев. Дверь её была заперта. На траве перед входом сидел Обезьян. Тириан и Алмаз, ожидавшие увидеть Аслана и ничего не слыхавшие про Обезьяна, остановились в недоумении. Это, конечно, был Хитр собственной персоной, только раз в десять безобразней, чем в бытность свою у Каменного Котла, потому что теперь он был одет в ярко-алый кафтан, сшитый

на гнома и потому плохо на нём сидевший, а голову его венчало что-то вроде бумажной короны. На задних лапах, никогда не стоящих как следует (ведь, как вы знаете, задние лапы у обезьян больше похожи на руки), были туфли, расшитые драгоценными камнями. Рядом лежала куча орехов, Обезьян грыз их и сплёвывал шелуху. К тому же он постоянно задирал кафтан и чесался. Множество говорящих зверей стояло перед ним, почти все выглядели озабоченными и обескураженными. При виде пленников раздались вздохи и всхлипывания.

— О господин Хитр, глашатай Аслана, — сказал главный тархистанец. — Мы привели ваших пленников. Благодаря нашей ловкости, а также по милости великой богини Таш мы взяли живьём этих отъявленных убийц.

— Дайте мне меч этого человека, — сказал Хитр.

Они вручили Обезьяну королевский меч, с ножнами и перевязью. Тот нацепил его себе на шею, отчего стал выглядеть ещё глупее.

— С этими двумя разберёмся потом, — сказал он, сплёвывая шелуху в сторону пленников. — Пока у меня есть дела поважнее. Эти могут подождать. Теперь слушайте меня. Первое — это орехи. Где

предводитель белок?

— Здесь, господин, — сказала рыжая белка, выходя вперёд и нервно кланяясь.

— Ах, вот ты где, — сказал Обезьян, бегая глазами. — Я хочу, то есть Аслан хочет ещё орехов. Того, что вы принесли, недостаточно. Вы должны принести ещё, ясно? Вдвое больше, нет — ещё больше. Чтобы были здесь завтра на закате, и чтоб среди орехов не было ни мелких, ни порченых!

Среди белок пронёсся шепот отчаяния, а предводитель, набравшись решимости, попросил:

— Пожалуйста, может быть, сам Аслан поговорит об этом с нами. Если б нам позволили его увидеть…

— Нет, вам не позволят, — сказал Обезьян. — Может, он будет так добр (хоть вы того не заслужили) и покажется этой ночью. Но он не позволит вам толпиться вокруг и приставать со своими вопросами! Все ваши просьбы передавайте через меня, так они доставляют ему меньше беспокойства. А вы, белки, живо за орехами! И чтоб завтра утром были здесь! А то пожалеете.

Бедные белки помчались прочь, словно за ними гналась собака. Новый приказ застал их врасплох — почти все орехи, заботливо припасенные на зиму, были съедены, а всё остальное они уже

отдали Обезьяну.

Тут из толпы раздался глубокий голос — он принадлежал косматому, клыкастому вепрю.

— Нет, почему мы не можем видеть Аслана и говорить с ним? — произнёс он. — Когда в старые времена он появлялся в Нарнии, все могли говорить с ним лицом к лицу.

— Не верьте, — сказал Обезьян. — Даже если это и было, времена меняются. Аслан говорит, что был слишком мягок с вами. Он вам покажет, как думать, будто он ручной лев!

Звери тихонько захныкали, потом воцарилась мёртвая тишина, ещё более жалкая, чем стоны.

— Теперь запомните вот что, — сказал Обезьян. — Я слышал, некоторые говорят, что я обезьяна. Это ложь. Я — человек. Да, я похож на обезьяну, но потому, что очень стар — мне сотни и сотни лет. Я стар и мудр. Я мудр, и потому со мной одним говорит Аслан. Ему некогда разводить разговоры со всякими бестолковыми зверями. Он говорит мне, что вы должны делать, а я говорю вам. И советую делать это побыстрее — он шутить не любит.

Тишина стояла гробовая, только плакал маленький барсучонок да мать успокаивала его.

— Теперь ещё, — продолжал Обезьян, засовывая за щёку очередной орех. — Я тут слышал среди лошадей такие толки, дескать, поторопимся и закончим поскорей работу с брёвнами и опять будем свободны. Выкиньте это из головы. Все, кто может работать, будут работать и впредь. Аслан обо всём договорился с повелителем Тархистана, Тисроком, как зовут его наши темнолицые друзья. Всех лошадей, быков, ослов — всех пожизненно отправят в Тархистан. Там они будут

возить тяжести, как это принято во всех странах. Всех роющих зверей — кротов, кроликов, гномов — отправят в рудники Тисрока. И…

— Нет, нет, нет, — завыли звери. — Этого не может быть. Аслан не продал бы нас в рабство Тисроку!

— Тихо! Молчать! — рявкнул Обезьян. — Кто говорит про рабство? Вы не будете рабами. Вы будете зарабатывать, и очень неплохо. Эти деньги пойдут в казну Аслана, на общее благо.

Он метнул взгляд — почти подмигнул главному тархистанцу. Тот поклонился и произнёс в напыщенной тархистанской манере:

— Мудрейший глашатай Аслана, Тисрок (да живёт он вечно) полностью одобряет превосходнейший план вашей светлости.

— Вот видите, — сказал Обезьян. — Всё улажено. И всё для вашего блага. На ваши деньги мы устроим в Нарнии настоящую жизнь. Рекой польются бананы и апельсины, дороги и большие города, школы и учреждения, конуры и намордники, сёдла и клетки, кнуты и тюрьмы — словом, всё!

— Да мы не хотим всего этого, — сказал старый медведь. — Мы хотим быть свободными. И мы хотим, чтобы Аслан сам говорил с нами.

— Немедленно прекрати спорить, — сказал

Обезьян. — Я этого не вынесу. Я человек, а ты — толстый, глупый, старый медведь. Что ты понимаешь в свободе? Вы все думаете, свобода — это делать что заблагорассудится. Нет. Это не настоящая свобода. Настоящая свобода — делать, что я вам велю.

— О-хо-хо, — проворчал медведь, почёсывая за ухом. Он решил, что такое понять трудновато.

— Простите, — раздался тоненький голосок. Он принадлежал ягнёнку, такому юному и пушистому, что всех удивило, как он вообще осмелился заговорить.

— Что ещё? — спросил Обезьян. — Быстрее.

— Простите, — повторил ягнёнок. — Я никак не пойму. Какие могут у нас быть дела с Тархистаном? Мы принадлежим Аслану. Они принадлежат Таш. Это их богиню зовут Таш, и они говорят, что у неё четыре руки и голова грифа. Они убивают людей на её алтаре. Я не верю в Таш, но если она есть, как может Аслан дружить с ней?

Обезьян вскочил и шлёпнул ягнёнка.

— Детка, — прошипел он, — отправляйся к мамочке сосать молочко. Что ты в этом смыслишь? А вы, остальные, слушайте. Таш — другое имя Аслана. Все эти старые взгляды, будто мы правы, а тархистанцы нет, — просто глупы. Теперь нам

всё известно. Тархистанцы называют то же самое другими словами. Таш и Аслан — просто разные имена сами знаете Кого. Поэтому мы можем больше не ссориться. Усвойте это как следует, тупые скоты. Таш — это Аслан. Аслан — это Таш.

Вы знаете, какой несчастной бывает иногда морда вашей собаки. Вспомните это и попытайтесь представить морды всех этих говорящих зверей — честных, покорных, сбитых с толку птиц, медведей, барсуков, кроликов, кротов, мышей, — ещё более грустных. Хвосты их опустились, уши обвисли. У вас сердце бы разбилось от жалости, если бы вы увидели эти морды. Только один зверь не выглядел несчастным.

Это был кот — огромный рыжий котище в самом расцвете сил. Он сидел, выпрямившись и обернув хвостом задние лапы, в первом ряду, пристально смотрел на Обезьяна и тархистанского военачальника и ни разу не моргнул.

— Прошу прощения, — сказал кот, — вот это меня заинтересовало. Согласен ли с этим ваш тархистанский друг?

— Несомненно, — ответил тархистанец. — Превосходнейший Обезьян… я хотел сказать — человек… совершенно прав. «Аслан» не более и не менее чем «Таш».

— Главным образом не более чем Таш? — подсказал кот.

— Ничуть не более, — произнес тархистанец, глядя прямо в глаза коту.

— Ты удовлетворён, Рыжий? — спросил Хитр.

— О да, вполне, — холодно ответил кот. — Благодарю вас. Я хотел удостовериться. Кажется, я начинаю понимать.

До сих пор король и Алмаз хранили молчание. Они ждали, чтобы Обезьян приказал им говорить, ибо думали, что вмешиваться бесполезно. Но теперь, оглядевшись и увидев несчастные лица нарнийцев, Тириан понял, что они поверили, будто Аслан и Таш — одно и то же, и не выдержал.

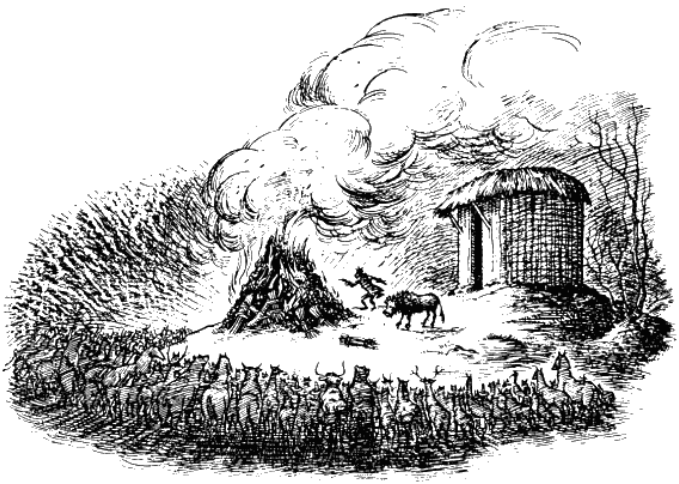
— Обезьяна! — вскричал он могучим голосом. — Ты лжёшь. Ты гнусно лжёшь. Ты лжёшь, как тархистанец. Ты лжёшь, как обезьяна.

Он хотел продолжать и спросить, как жестокая Таш, которая питается кровью своих людей, могла оказаться тем же, кем был добрый Лев, чьей кровью спасена Нарния. Если бы он продолжал, правление Хитра могло кончиться в этот самый день, звери увидели бы правду и свергли обезьяну. Но прежде чем он произнёс ещё хоть слово, двое тархистанцев заткнули ему рот, а третий сбил с ног. Когда король упал, Обезьян провизжал

испуганно и злобно:

— Уберите его! Уберите! Уберите туда, где ни мы его не услышим, ни он нас. Привяжите его к дереву. Я… То есть Аслан… будем судить его позже.

Глава четвёртая
Что случилось этой ночью

Король был настолько ошеломлён неожиданным ударом, что с трудом понимал происходящее, пока тархистанцы развязали ему руки, потом вытянули их по бокам, прислонили его к ясеню, примотали верёвками за лодыжки, колени, пояс и грудь и, наконец, оставили одного. Часто труднее всего переносить мелочи — и вот его больше

всего мучило, что, падая, он разбил губу и теперь не мог вытереть тонкую струйку крови, щекотавшую подбородок.

Отсюда был виден маленький хлев на вершине холма и сидящий перед ним Обезьян. Король слышал, что тот всё говорит и ему время от времени отвечают из толпы, но слов не разбирал.

«Хотел бы я знать, что они сделали с Алмазом», — подумал король.

Постепенно звери начали расходиться. Некоторые проходили совсем близко от Тириана. Они смотрели на связанного короля со страхом и жалостью, но ни один не заговорил. Час проходил за часом; сначала Тириану захотелось пить, потом есть. Наступил вечер, ему стало ещё и холодно. Сильно болела спина. Солнце село, стемнело. И тут он услышал мелкие шажки и увидел, что к нему приближаются несколько маленьких существ. Слева шли трое мышей, в центре кролик, справа — двое кротов. Эти двое несли на спинах мешки, что в темноте выглядело весьма причудливо, и король не сразу понял, кто они такие. Затем звери, все сразу, встали на задние лапы, положили холодные передние ему на колени и покрыли их шумными звериными поцелуями. Они смогли дотянуться до колен, потому что гово-

рящие звери в Нарнии выше своих бессловесных английских собратьев.

— Господин наш король, дорогой господин наш король! — раздались тихие пронзительные голо-

са. — Мы так сочувствуем вам. Мы не решаемся развязать вас, чтобы Аслан не рассердился. Но мы принесли вам ужин.

Тут же первая мышь проворно вскарабкалась наверх и уселась на верёвке, обмотанной вокруг его груди, морща носик прямо напротив его лица. Вторая мышь вскарабкалась следом и устроилась как раз под первой. Остальные звери стояли внизу и передавали провизию наверх.

— Пейте, государь, потом вы сможете есть, — сказала верхняя мышь, и Тириан обнаружил у своих губ маленькую деревянную чашку. Она была не больше рюмочки для яиц, так что он едва ощутил вкус вина. Но мышь спустила её вниз, где её наполнили и вновь передали наверх. Так продолжалось, пока он не напился (кстати, жажду вообще лучше утолять множеством маленьких глотков, чем одним большим).

— Вот сыр, государь, — сказала первая мышь. — Не слишком много, а то вам снова захочется пить. — За сыром последовала овсяная лепёшка со свежим маслом, за ней — ещё немного вина.

— Теперь налейте немного воды, — сказала первая мышь. — Я умою короля. Тут кровь.

Король чувствовал, как что-то вроде маленькой губки освежило его лицо.

— Маленькие друзья, — сказал Тириан. — Чем я могу отблагодарить вас?

— Что вы, что вы, — запищали голоса. — Что ещё могли мы сделать? Мы не хотим другого короля. Мы — ваш народ. Если б против вас был только Обезьян и тархистанцы, мы скорее дали бы изрубить себя в куски, чем позволили вас связать. Но мы не можем идти против Аслана.

— Вы думаете, это и впрямь Аслан? — спросил король.

— О да, да, — сказал кролик. — Он выходил из хлева прошлой ночью. Мы все его видели.

— На что же он похож? — спросил король.

— На огромного, страшного льва, разумеется, — ответила одна из мышей.

— Вы думаете, это Аслан убивает лесных нимф и продает вас в рабство тархистанцам?

— Это дурно, правда? — спросила вторая мышь. — Лучше б мы умерли раньше, чем всё это началось. Но сомнений нет. Все говорят, что так приказал Аслан. И мы его видели. Мы не думали, что Аслан будет таким. Мы… мы хотели, чтоб он вернулся в Нарнию.

— Похоже, на этот раз он очень сердитый, — сказала первая мышь. — Видимо, мы, сами того не зная, совершили нечто ужасное. Он наказы-

вает нас за что-то. Но, мне кажется, он мог бы сказать — за что!

— А вдруг мы и сейчас поступаем неверно? — произнёс кролик.

— Мне всё равно, — сказал крот. — Даже если это неверно, я бы опять поступил так же.

Но остальные зашептали: «Тише», «Осторожно», — а потом сказали королю:

— Простите нас, дорогой король, но мы должны вернуться. Нельзя, чтобы нас застали здесь.

— Оставьте меня, дорогие звери, — сказал король. — Ради всей Нарнии я не стал бы подвергать вас опасности.

— Доброй ночи, доброй ночи, — говорили звери и тёрлись носами о его колени. — Мы вернёмся, если сможем. — И они засеменили прочь, а лес сделался ещё более тёмным, холодным и одиноким, чем до их прихода.

Появились звёзды, и медленно — о, как медленно! — текло время, пока последний король Нарнии, измученный, окоченевший, стоял, навытяжку привязанный к дереву.

Наконец что-то произошло.

Вдалеке зажёгся красноватый свет. Потом на мгновение исчез и вновь появился, больше и ярче. Король увидел тёмные силуэты, они сновали

туда-сюда, что-то приносили и сбрасывали на землю. Он догадался, что там разожгли костёр и бросают в него вязанки дров. Он ясно видел хлев, освещённый красным заревом, толпу людей и зверей между ним и огнём и ссутулившуюся фигуру позади. Это, наверное, был Обезьян. Он что-то говорил толпе, но Тириан не мог разобрать слов. Обезьян трижды склонился до земли перед дверью хлева, потом поднялся и открыл дверь. Что-то на четырёх ногах скованно и неуклюже вышло из хлева и стало лицом к толпе.

Не то стон, не то рёв поднялся над толпой так громко, что стали слышны отдельные слова.

— Аслан! Аслан! Аслан! — кричали звери. — Поговори с нами. Утешь нас. Не сердись на нас больше.

Тириан не мог ничего разглядеть с такого расстояния, у хлева стояло что-то жёлтое и мохнатое. Тириан никогда не видел Великого Льва. Он никогда не видел даже обычного льва и не мог бы поручиться, что перед ним не Аслан. Однако он не ожидал, что Аслан окажется похож на это неуклюжее, безмолвное существо. Но кто его знает? На мгновение ужасная мысль пронзила его разум; но, вспомнив весь вздор о том, что Аслан и Таш — одно, он понял, что налицо обман.

Обезьян наклонился к голове жёлтого существа, словно прислушиваясь, обернулся и заговорил с толпой. Вновь раздался жалобный вой. Потом жёлтое существо, потоптавшись, развернулось и вошло — можно сказать, ввалилось — обратно в хлев, и Обезьян закрыл за ним дверь. Огонь начал меркнуть, погас совсем, и Тириан снова остался один средь холода и мрака.

Он думал, сколько королей жили и умерли в Нарнии в древние времена, и ему казалось, что он — самый из них несчастный. Он думал о прадеде своего прадеда, короле Рилиане, которого ещё принцем похитила колдунья и многие годы прятала под землёй северных великанов. Но в конце концов и у него всё устроилось, ибо два чудесных ребенка неожиданно появились из страны за краем света и освободили его, и он вернулся в Нарнию и правил долго и счастливо. «А со мной совсем не так», — сказал себе Тириан.

Затем он мысленно отправился назад, во времена отца Рилиана, Каспиана Мореплавателя, которого пытался убить его дядя, коварный Мираз. Но Каспиан бежал в леса, прятался у гномов, и его история кончилась хорошо — Каспиану тоже помогли дети, только тогда их было четверо, они появились откуда-то извне мира, выиграли

великую битву и вернули ему престол. «Но это было очень давно, — сказал себе Тириан. — Теперь такого не бывает». Потом он вспомнил (ибо в детстве хорошо учил историю), как те же четверо ребят, что помогли Каспиану, были в Нарнии более чем за тысячу лет до того; тогда они победили страшную Белую Колдунью, и положили конец вечной зиме, и потом (все четверо) правили в Кэр-Паравале, пока не выросли и не стали великими королями и прекрасными королевами, и правление их было золотым веком Нарнии. Аслан часто появлялся в этой истории. В других историях он тоже появлялся часто, как припомнил теперь Тириан. «Аслан и дети из другого мира, — думал Тириан. — Когда было хуже всего, всегда являлись они. Ах, если б это случилось сейчас!»

И он воззвал: «Аслан! Аслан! Аслан! Приди и помоги нам сейчас!»

Но по-прежнему вокруг были холод, мрак и тишина.

— Пусть меня убьют! — взывал король. — Я ничего не прошу для себя. Приди и спаси Нарнию.

И хотя лес и ночь не изменились, что-то изменилось в самом Тириане — необъяснимая, неоправданная надежда придала ему какие-то новые силы.

— О Аслан, Аслан, — горячо прошептал он. — Если ты не можешь прийти сам, пошли мне хотя бы помощников. Или позволь моему голосу проникнуть за пределы мира и призвать их на помощь. — И, не понимая, что делает, он закричал изо всех сил:

— Дети! Дети! Друзья Нарнии! Быстрее! На помощь! Через миры я зову вас — я, Тириан, король Нарнии, владетель Кэр-Параваля и император Одиноких Островов!

И тотчас он погрузился в сон (если то был сон) — ярче и яснее всех его прошлых снов.

Ему казалось, что он в светлой комнате, а перед ним за столом сидят семь человек. По-видимому, они только что кончили есть. Двое из них были очень старыми: старик с белой бородой и старая женщина с мудрыми, весёлыми, лучистыми глазами. По правую руку от старика сидел юноша, ещё не совсем взрослый, моложе Тириана, но с лицом короля и воина. То же можно было сказать и о другом юноше, сидевшем по правую руку от старой женщины. Напротив Тириана сидела белокурая девочка, помладше, а с другой стороны от неё — совсем юные мальчик и девочка. Одеты они были, как показалось Тириану, ужасно нелепо.

Но у него не было времени думать о таких мелочах, потому что младший мальчик и обе девочки тут же вскочили и одна из них вскрикнула. Старая женщина вздрогнула и часто задышала. Старик, должно быть, тоже сделал какое-то резкое движение, ибо стакан с вином справа от него упал на пол и разбился: Тириан явственно слышал звон.

Тут Тириан понял, что они его видят — они уставились на него, словно на привидение, — но он заметил, что юноша королевского вида, сидевший справа от старика, не шевельнулся (хотя и побледнел), только крепко сжал кулаки, а потом произнёс:

— Говори, если ты не призрак и не сон. Ты похож на нарнийца, а мы — семеро друзей Нарнии.

Тириан хотел заговорить, он пытался выкрикнуть, что он, король Нарнии, в великой нужде. Но обнаружил (как мы иногда обнаруживаем во сне), что слов его не слышно. Юноша, говоривший с ним, поднялся из-за стола.

— Тень, или дух, или кто иной, — произнёс он, в упор глядя на Тириана. — Если ты из Нарнии, именем Аслана заклинаю тебя — говори. Я — Верховный Король Питер.

Комната поплыла перед глазами Тириана. Се-

меро стали прозрачными; они заговорили все разом, что-то вроде: «Смотрите! Он исчезает!», «Он тает», «Он пропадает». Через минуту он совершенно проснулся, по-прежнему привязанный к дереву, совсем замёрзший и одеревеневший. Лес был полон бледным, печальным светом, как перед восходом солнца, и король насквозь промок от росы; утро почти наступило.

Это пробуждение было худшим в его жизни.

Глава пятая
Как к королю пришла помощь

Но отчаяние длилось недолго. Послышался глухой удар, почти сразу за ним второй, и перед ним оказались двое детей. Секундой раньше лес впереди был совершенно пуст, и он был уверен, что дети не вышли из-за дерева за его спиной, иначе он бы слышал их шаги. Они просто появились ниоткуда. С первого взгляда он заметил, что на них нелепые, блеклые одежды, как на людях в

его сне; со второго — что это мальчик и девочка, младшие из семерых.

— Ух ты! — сказал мальчик. — Обалдеть! Я думал…

— Скорей отвяжи его, — сказала девочка. — Поговорить можно и после. — И она прибавила, обращаясь к Тириану: — Простите, что мы задержались. Мы прибыли, как только смогли.

Пока она говорила, мальчик вытащил из кармана ножик и быстро перерезал верёвки — даже слишком быстро, ибо король так окоченел и онемел от холода, что рухнул на четвереньки, как только лопнула последняя верёвка. Он не смог подняться, пока не растёр как следует ноги.

— Вот, — сказала девочка. — Ведь это вы появились перед нами той ночью, когда мы все ужинали? Около недели назад.

— Около недели, прекрасная девица? — удивился Тириан. — Сон привёл меня в ваш мир всего десять минут тому назад.

— Обычная неразбериха со временем! — произнёс мальчик.

— Теперь я вспоминаю, — сказал Тириан. — Об этом тоже говорилось во многих историях. Время в вашей удивительной стране течёт иначе, чем у нас. Но раз мы заговорили о времени, самое время

уходить отсюда, ибо враги мои близко. Пойдёте ли вы со мной?

— Конечно, — сказала девочка. — Ведь мы здесь, чтобы вам помогать.

Тириан поднялся на ноги и быстро повёл их вниз по склону холма, на юг, подальше от хлева. Он не знал точно, куда идёт, но хотел поскорее выйти на каменистое плато, где бы не оставалось следов, а затем пересечь воду, чтобы их нельзя было учуять. Почти час они карабкались по скалам и переходили вброд ручьи, и, конечно, было не до разговоров. Тириан украдкой разглядывал своих спутников. Он не мог поверить, что идёт с созданиями из другого мира: древние сказания становились реальными… Теперь могло случиться всё что угодно.

— Итак, — сказал Тириан, когда они достигли небольшой лощины, полого спускавшейся перед ними среди молодых ясеней, — мы достаточно далеко от этих негодяев и можем идти помедленней.

Солнце встало, на каждой ветке сверкали капли росы, пели птицы.

— Как насчёт чего-нибудь стрескать? Это я про вас, государь, мы-то позавтракали, — сказал мальчик.

Тириан не понял, что значит «стрескать», но, когда мальчик открыл набитый ранец, который нёс с собой, и вытащил замасленный сплющенный пакет, всё стало ясно. Король страшно изголодался, хотя совсем не думал об этом. В пакете были два сандвича с крутыми яйцами, два сандвича с сыром и два сандвича с чем-то вроде мармелада, и король бы непременно расспросил, что это, если б не был так голоден, — ведь такого в Нарнии никто не пробовал. Они достигли устья лощины, когда король доедал последний сандвич. Здесь, под мшистым обрывом, бил родничок. Все трое попили и сполоснули разгорячённые лица.

— А теперь, — сказала девочка, убирая со лба мокрую прядь, — не расскажете ли вы нам, почему вы были привязаны и что всё это значит?

— Со всей моей охотой, сударыня, — отвечал Тириан. — Но нам нельзя останавливаться. — И пока они шли дальше, он рассказал им, кто он и что с ним произошло. — А теперь, — закончил он, — мы идём к одной из трёх башен, построенных моим пращуром для охраны Фонарной Пустоши от каких-то опасных разбойников, обитавших здесь в то далёкое время. Благодарение Аслану, у меня не отняли ключей. В башне хранится запас оружия, кольчуги и кой-какой

провиант; впрочем, лучше сухарей там ничего нет. Кроме того, мы сможем в безопасности обдумать наши планы. А теперь, прошу вас, расскажите мне, кто вы и какова ваша история.

— Я Юстэс Вред, а это Джил Поул, — сказал мальчик. — Мы однажды уже были здесь, много лет назад, больше года по нашему времени. Здесь был такой парень, принц Рилиан, они его ещё держали под землёй, пока квакль Хмур не сунул ногу…

— О! — воскликнул Тириан. — Вы те самые Юстэс и Джил, что спасли короля Рилиана от колдовских чар?

— Да, мы, — сказала Джил. — Так он теперь король Рилиан? Ой, конечно, так и должно быть. Я забыла…

— О нет, — ответил Тириан. — Он умер больше двухсот лет назад. Я его потомок в седьмом колене.

Джил изменилась в лице.

— Вот чем плохо возвращаться в Нарнию… — сказала она, а Юстэс продолжал:

— Теперь вы знаете, кто мы, государь, — сказал он. — А всё было так. Профессор и тётя Полли собрали всех друзей Нарнии вместе…

— Я не знаю этих имен, Юстэс, — сказал Ти-

риан.

— Они попали в Нарнию в самом начале, в тот день, когда звери научились говорить.

— Клянусь Львиной Гривой! — вскричал Тириан. — Те двое! Лорд Дигори и леди Полли! С самой зари мира! И они ещё живы в вашем мире? Удивительные и славные дела! Но продолжай, продолжай!

— Знаете, она вообще-то нам не тётя, — сказал Юстэс. — Она мисс Пламмер, но мы её зовём тётей Полли. Так вот, они собрали нас вместе; отчасти, чтоб как следует потрепаться о Нарнии (ведь ни с кем другим об этом не поговоришь), но ещё и потому, что у профессора было такое чувство, будто мы кому-то нужны. Ну, потом вы явились, как привидение или незнамо что, и перепугали нас до полусмерти, а потом исчезли, ни слова не сказав. Мы сразу усекли, что у вас тут что-то не так. Ладно, но как сюда попасть? Одного желания мало. Мы все думали, и наконец профессор сказал, что единственный способ — это волшебные кольца. Те самые кольца, при помощи которых они с тётей Полли давным-давно, ещё детьми, были здесь, ещё до нашего рождения. Они тогда закопали кольца в саду, в лондонском доме (Лондон — это наш большой город, государь), а дом

этот потом продали. Так что надо было сообразить, как их достать. Ни за что не угадаете, что мы придумали! Питер и Эдмунд — Верховный Король Питер, он говорил с вами — отправились в Лондон и забрались в сад рано утром, пока никто не встал. Они оделись рабочими, чтоб, если кто их увидит, решил, что они чинят канализацию. Жаль, меня не было, — знатная была потеха. Видимо, они всё нашли, потому что на следующий день Питер отбил нам телеграмму — это такое известие, государь, я объясню в другой раз, — где говорилось, что кольца у них. А нам с Джил надо было обратно в школу — только мы двое ещё ходим в школу, причём в одну и ту же. Поэтому Питер и Эдмунд решили встретить нас по дороге и отдать кольца. Видите ли, в Нарнию должны были отправиться мы двое — старшие не могут сюда вернуться. Мы сели в поезд (это такая штука, на которой люди путешествуют в нашем мире — много вагонов, сцепленных вместе), а профессор, тётя Полли и Люси отправились с нами. Мы хотели быть вместе как можно дольше. Так вот, мы ехали в поезде, и, когда уже подъехали к станции, где остальные нас встречали, и я уже высматривал их в окошко, нас ужасно тряхануло, раздался грохот — и вот мы в Нарнии. И как раз там, где

ваше величество были привязаны к дереву.

— И вы не воспользовались кольцами? — спросил Тириан.

— Нет, — ответил Юстэс, — даже не видели их. Аслан всё сделал сам, без всяких колец.

— Но у Верховного Короля Питера они есть, — сказал Тириан.

— Да, — сказала Джил, — но не думаю, что от этого будет прок. Когда двое других Пэвэнси — король Эдмунд и королева Люси — были здесь в последний раз, Аслан сказал, что они больше не вернутся в Нарнию. И он сказал что-то в этом роде Верховному Королю, только раньше. Хотя, можете не сомневаться, Питер тут же явится, если ему позволят.

— Что-то жарковато становится, — сказал Юстэс. — Далеко ещё, государь?

— Смотрите, — сказал Тириан и указал вперёд. Над верхушками деревьев виднелись мрачные зубчатые стены, и через несколько минут они вышли на большую поляну. Её пересекал ручей, по ту сторону которого они увидели приземистую квадратную башню с узкими окнами и тяжёлой дверью.

Внимательно оглядевшись, Тириан убедился, что врагов поблизости нет. Он подошёл к башне и постоял с минуту, вынимая из-под охотничьих одежд связку ключей, которую носил на шее на тонкой серебряной цепочке. Два ключа были золотые, другие богато изукрашенные — сразу видно, что ключи эти от потайных комнат во дворце или от сундуков и шкатулок благоуханного дерева с королевскими сокровищами. Но ключ, который он сейчас вставлял в замок, был обычный: большой и более грубый. Замок заржавел; Тириан испугался, что не сможет его открыть. Наконец ему это удалось, и дверь распахнулась с

мрачным скрипом.

— Прошу вас, друзья, — сказал Тириан. — Боюсь, это лучший дворец, куда король Нарнии может пригласить сейчас своих гостей.

Тириан с радостью отметил, что двое чужестранцев прекрасно воспитаны, ибо они тотчас же стали уверять его, что всё будет превосходно.

На самом деле всё было далеко не так превосходно. В башне пахло сыростью и было довольно темно. В единственной комнате стояло несколько грубых скамей для сна и множество сундуков и тюков. Деревянная лестница в углу вела к небольшому люку на крыше. Был и очаг, такой запущенный, словно в нём много-много лет не разводили огня.

— Может, нам сначала набрать дров? — спросила Джил.

— Чуть погодя, мой друг, — сказал Тириан. Он объяснил, что выходить безоружными опасно, и начал открывать сундуки, с благодарностью вспоминая, что не забывал раз в год заботливо объезжать оборонительные башни и проверять, есть ли там всё необходимое. Тетивы луков были в чехлах из промасленного шёлка, мечи и копья смазаны — ничто не заржавело от долгого хранения. Тщательно завёрнутые доспехи

блестели, как новые. Но здесь было и кое-что поинтереснее.

— Смотрите! — сказал Тириан, вытаскивая длинную кольчугу странного фасона и развора-

чивая её перед ребятами.

— Что за смешная кольчуга, государь, — сказал Юстэс.

— Так и есть, юноша, — ответил Тириан. — Её ковали не нарнийские гномы. Это чужеземная, тархистанская кольчуга. У меня всегда хранится несколько наготове, ведь неизвестно, когда мне или моим друзьям понадобится незамеченными проникнуть в страну Тисрока. А теперь посмотрите на этот каменный сосуд. В нем экстракт, им можно натереть лицо и руки, и мы станем коричневыми, как тархистанцы.

— Ура! — воскликнула Джил. — Переодевание! Я обожаю переодевания!

Тириан показал им, как налить в ладони немного экстракта и тщательно втереть его в лицо, шею до плеч и руки до локтей. Потом проделал это сам.

— Когда экстракт высохнет, — сказал он, — то не будет смываться водой. Ничто, кроме масла, смешанного с пеплом, не сделает нас вновь белокожими нарнийцами. А теперь, прелестная Джил, разрешите примерить на вас эту кольчугу… Немного длинновата, но не так сильно, как я боялся. Несомненно, она принадлежала пажу какого-нибудь тархана.

Они надели тархистанские шлемы, маленькие и круглые, плотно прилегающие к голове, с острой верхушкой. Затем Тириан вынул из сундука рулон белой материи и обмотал её вокруг шлемов, так что те превратились в тюрбаны, только в середине торчал маленький острый кончик. Они с Юстэсом взяли кривые тархистанские сабли и маленькие круглые щиты. Лёгкой сабли для Джил не нашлось, и ей дали длинный прямой охотничий нож, который при необходимости мог сойти за меч.

— Обучены ли вы обращению с луком, девица? — спросил Тириан.

— Хуже некуда, — ответила Джил, краснея. — Вот Вред стреляет неплохо.

— Не верьте ей, государь, — сказал Юстэс. — Мы тренировались с тех самых пор, как вернулись из Нарнии, и она обращается с луком не хуже меня. Впрочем, оба мы стреляем так себе.

Тогда Тириан дал Джил лук и полный колчан стрел. После чего занялись наконец очагом, ибо башня внутри больше напоминала пещеру, чем жилое помещение, и они уже начинали дрожать. Собирая дрова, все отогрелись — солнце стояло в зените, — и, когда огонь зашумел в трубе, комната показалась даже уютной. Обед был, правда,

не ахти: они нашли в одном из мешков сухари, раскрошили их, залили кипятком и посолили, так что получилось что-то вроде каши. Кроме воды, пить было нечего.

— Жаль, мы не догадались взять с собой пачку чая, — сказала Джил.

— Или банку какао, — сказал Юстэс.

— Не мешало бы держать в каждой башне пару бочонков вина, — сказал Тириан.

Глава шестая
Славная ночная работа

Часа через четыре Тириан прилёг на скамью, чтобы немного вздремнуть. Ребята уже давно спали; он постелил им заранее, потому что подняться надо было среди ночи, а он знал, что в их годы этого нельзя делать, не выспавшись. Весь день он не давал им ни минуты отдыха. Сперва он преподал Джил урок стрельбы и нашёл, что, хотя и слабовато по нарнийским понятиям, всё же дело обстоит не так плохо. Она даже застрелила кролика (не говорящего, конечно; вокруг Фонарной Пустоши во множестве водятся обычные), и он был тут

же освежёван. Тириан удивился, что ребятам прекрасно знакома эта противная работа; они научились ей во время великого путешествия в страну великанов в дни принца Рилиана. Потом он попытался научить Юстэса владеть щитом и саблей. Во время своих прошлых приключений в Нарнии Юстэс немало упражнялся в этом искусстве, но имел дело с прямым нарнийским мечом. Он никогда не держал в руках кривой тархистанский ятаган, и это сильно затрудняло дело, ибо многие приёмы приходилось учить заново. Однако он был точен и быстр в движениях, и это успокоило Тириана. Король удивлялся перемене в обоих ребятах: оба казались выше, сильнее и взрослее, чем несколько часов назад, когда он увидел их впервые. Так действует воздух Нарнии на пришельцев из нашего мира.

Все трое решили прежде всего отправиться к хлеву и попытаться освободить единорога Алмаза, а в случае успеха соединиться на востоке с небольшой армией, которую кентавр Руномудр должен вести из Кэр-Параваля.

Опытный воин и охотник, Тириан мог проснуться в любое время. Поэтому он сказал себе, что нужно проснуться в девять часов вечера, и, отбросив все заботы, мгновенно заснул. Ему по-

казалось, что он проспал не больше минуты, но, посмотрев на небо, понял: уже время. Тириан поднялся, надел шлем-тюрбан (спал он в кольчуге) и стал трясти ребят. Честно говоря, когда они, зевая во весь рот, слезали со скамей, вид у них был довольно унылый.

— Теперь, — сказал Тириан, — мы держим путь прямо на север; ночь, на удачу, звёздная. Это будет короче, чем наше утреннее путешествие, ибо тогда мы кружили, а теперь пойдём напрямик. Если нас заметят, вы оба храните молчание, а я постараюсь говорить как проклятый, жестокий, надменный тархистанский вельможа. Если я выну меч, ты, Юстэс, делай то же самое, чтобы Джил успела отскочить и положить стрелу на тетиву. Но если я крикну: «Назад!» — мчитесь к башне. И пусть никто не лезет в драку, ни одного удара после того, как я прикажу отступать: неразумная доблесть губила многие военные планы. А теперь, друзья, во имя Аслана, вперёд!

Они вышли в ночной холод. Все великие звёзды севера сияли над вершинами деревьев. Северная звезда в этом мире зовется Остриё Копья, и она много ярче нашей Полярной.

Некоторое время удавалось идти прямо на Остриё Копья, но вскоре начались густые заросли,

и, когда они, исцарапанные, выбрались оттуда, трудно было снова отыскать правильное направление. Его нашла Джил: в Англии, в школьных походах, она была прекрасным проводником. И, конечно, она превосходно знала Нарнийский небосвод после путешествия в Дикие Северные страны и могла найти путь по другим звёздам, когда Остриё Копья спряталось. Тириан увидел, что она лучше всех находит дорогу, и пропустил её вперёд.

— Клянусь Гривой! — прошептал он Юстэсу, изумляясь, как бесшумно и почти незаметно скользит впереди Джил. — Эта девочка просто создана для леса. Даже если б в её жилах текла кровь дриад, она не могла бы делать это лучше.

— Она такая маленькая, ей легче, — прошептал Юстэс. Но Джил сказала: «Ш-ш-ш, тише».

Лес вокруг них был совершенно тих. Даже слишком тих. Обычно в Нарнии ночью шумно: то ёж желает кому-то доброй ночи, то сова кричит над головой, то далёкий звук флейты сообщает о плясках фавнов, то гномы стучат под землёй молоточками. Теперь все стихло; уныние и страх воцарились в Нарнии.

Через некоторое время начался крутой склон, где деревья росли реже. Тириан смутно различал

хорошо знакомую вершину холма и хлев. Джил шла теперь всё осторожней и знаками показывала спутникам делать то же. Затем она резко остановилась, и Тириан видел, как она юркнула в траву и исчезла без звука. Через минуту она появилась и, прижавшись губами к Тирианову уху, как можно тише прошептала: «Ложитешь, шмотрите лучше». Она сказала *шмотрите*, а не *смотрите* не потому что шепелявила, просто она знала, что свистящее «с» в шёпоте слышнее всего. Тириан тотчас лёг, почти так же тихо, как Джил, хотя и не совсем, потому что он был старше и тяжелее. А как только лёг, понял, что отсюда отчётливо видна вершина холма на фоне усеянного звёздами неба. Две тёмные тени маячили наверху: одна была хлевом, другая, в нескольких футах от него, — тархистанским часовым. Службу он нёс плохо: не ходил и даже не стоял, а сидел, положив копьё на плечо и опустив голову на грудь. «Молодец», — сказал Тириан Джил. Она показала именно то, что ему было нужно.

Они поднялись, и теперь Тириан пошёл впереди. Медленно, сдерживая дыхание, они пробирались к небольшой рощице футах в сорока от часового.

— Ждите, пока я вернусь, — прошептал король

своим спутникам. — Если я потерплю неудачу, бегите.

Он смело и спокойно пошёл вперёд, прямо на глазах у врага. Часовой уставился на него и собрался вскочить на ноги: он испугался, что Тириан — его собственный офицер и сейчас рассердится, увидев его сидящим. Но Тириан опустился на одно колено рядом с ним и сказал:

— Неужели предо мною воин Тисрока, да живёт он вечно? Сердце моё наполняется радостью, когда я вижу тебя среди зверей и демонов Нарнии. Дай мне твою руку, друг.

И прежде чем тархистанец успел что-либо понять, его правая рука оказалась словно в железных тисках. Через минуту он стоял на коленях, а к шее его был приставлен кинжал.

— Один звук, и ты умрёшь, — сказал Тириан ему на ухо. — Скажи мне, где единорог, и ты останешься жив.

— З-за хлевом, о господин мой, — запинаясь, выговорил несчастный.

— Хорошо. Поднимайся и веди меня к нему.

Часовой поднялся, но лезвие кинжала по-прежнему касалось его шеи, только переместилось назад, пощекотав горло. Тириан шёл сзади и держал кинжал под ухом тархистанца. Дрожа, тот

обошёл хлев.

Тириан сразу разглядел в темноте белый силуэт Алмаза.

— Тс! — сказал он. — Молчи! Да, Алмаз, это я. Как они связали тебя?

— Стреножили и привязали уздечкой к кольцу на стене, — послышался голос Алмаза.

— Стой здесь, часовой, спиной к стене. Так… Теперь, Алмаз, приставь рог к груди этого тархистанца.

— Со всей моей охотой, — сказал Алмаз.

— Если он шевельнётся, пронзи ему сердце. — И в несколько мгновений Тириан перерезал путы. Обрывками он связал часовому руки и ноги. Потом открыл ему рот, напихал туда травы, завязал верёвкой от затылка до подбородка и посадил его у стены.

— Я неучтиво обошёлся с тобой, солдат, — сказал Тириан. — Но это было необходимо. Если мы встретимся снова, я, быть может, смогу отблагодарить тебя. Теперь, Алмаз, идём скорее.

Левой рукой он обвил его шею и поцеловал в нос. Оба преисполнились великой радостью и, ступая как можно тише, вернулись туда, где ждали их дети.

— Всё в порядке, — прошептал Тириан. — Слав-

ная ночная работа. Теперь — домой.

Они прошли несколько шагов, когда Юстэс сказал:

— Где ты, Поул? — Ответа не было. — Джил не с вами, государь? — спросил он.

— Что? — поразился Тириан. — Она не с тобой?

Им стало страшно. Кричать было нельзя, они шептали её имя так громко, как только можно шептать. Ответа не было.

— Она отходила от тебя, пока меня не было? — спросил Тириан.

— Я не слышал и не видел, чтоб она уходила, — сказал Юстэс. — Она могла уйти незаметно. Она умеет быть тихой, как мышка, вы видели сами.

В этот момент вдалеке раздался барабанный бой. Алмаз насторожил уши.

— Гномы, — сказал он.

— И вполне возможно, вероломные гномы, враги, — пробормотал Тириан.

— А теперь звук копыт, гораздо ближе, — сказал Алмаз.

Двое людей и единорог замерли в полном молчании. На них столько всего сразу обрушилось, что они просто не знали, как поступить. Стук копыт приближался. И вдруг совсем рядом послышалось:

— Привет! Вы ещё здесь?

Благодарение небесам, это была Джил.

— Куда тебя черти носили? — спросил Юстэс страшным шёпотом. Он очень испугался.

— В хлев, — выговорила Джил. Заметно было, что она с трудом сдерживает смех.

— Ох, — проворчал Юстэс, — по-твоему, это смешно? Ну, тогда я скажу…

— Вы выручили Алмаза, государь? — спросила Джил.

— Да. Он здесь. Что это за зверь с тобой?

— Это он, — сказала Джил. — Скорей уйдём отсюда, пока никто не проснулся. — И она снова тихонечко прыснула.

Её тут же послушались: они и так слишком задержались в этом опасном месте, да и барабаны гномов звучали всё ближе. Лишь отойдя подальше к югу, Юстэс спросил:

— Кто он? О чём ты?

— Лже-Аслан, — ответила Джил.

— Что? — сказал Тириан. — Что ты говоришь? Где ты была?

— Ну, государь, — начала она, — когда вы сняли часового, я решила, что неплохо бы заглянуть в хлев и узнать, что же там на самом деле. Я поползла вперёд. Войти было легче лёгкого — просто

откинуть засов. Конечно, там было темно, хоть глаз выколи, а пахло… как во всяком хлеву. Я зажгла спичку, и — представьте себе! — там не было никого, кроме старого осла в львиной шкуре, привязанной верёвочками по бокам. Я вынула нож и велела ему идти за мной. Собственно, угрожать ножом было ни к чему — он был по горло сыт хлевом и готов идти куда угодно, правда, Лопух?

— Вот это да! — сказал Юстэс. — Провалиться мне на этом месте! Я так рассердился на тебя, даже думал, что ты потихонечку от нас смылась. Должен признать, ты — молодчина. Если б она была мальчиком, её следовало бы посвятить в рыцари, не правда ли, государь?

— Если б она была мальчиком, — сказал Тириан, — её следовало бы высечь за неповиновение приказу. — Лица его в темноте никто не видел, и было непонятно, в шутку сказал он это или всерьёз. В следующую минуту раздался скрежет металла.

— Что вы делаете, государь? — быстро спросил Алмаз.

— Достаю меч, чтобы отсечь голову проклятому ослу, — произнёс Тириан страшным голосом. — Отойди, девочка.

— О нет, пожалуйста! — взмолилась Джил. —

Правда, не надо. Он не виноват. Это всё Обезьян, а он ничего не понимал. И очень жалеет. Он милейший ослик, его зовут Лопух.

— Джил, — сказал Тириан. — Ты храбрейшая и мудрейшая из моих подданных, но самая дерзкая и непокорная. Ладно, пусть живёт. Но что скажешь ты сам, осёл?

— Я, государь? — послышался голос осла. — Я, право же, очень жалею, что вёл себя неправильно. Обезьян сказал, Аслан хочет, чтобы я так нарядился. Я думал, он знает. Я гораздо глупее его. Я только делал, что мне скажут. Мне не было никакой радости жить в этом хлеву. Меня выводили только на минутку-другую, и то ночью. Иногда мне даже забывали принести воды.

— Государь, — сказал Алмаз, — эти гномы всё ближе. Хотим ли мы с ними встретиться?

Тириан на мгновение задумался и вдруг громко расхохотался. Он заговорил, уже не шёпотом.

— Клянусь Львом, — сказал он, — я стал тугодумом! Встретиться с ними? Конечно, мы с ними встретимся. Мы встретимся со всеми. Мы покажем всем этого осла. Пусть увидят, чего они боялись и чему поклонялись. Мы расскажем им правду о подлом заговоре. Тайна раскрыта. Завтра мы повесим Обезьяна на самом высоком

дереве Нарнии. Довольно шептать, прятаться, переодеваться! Где эти достойные гномы? Мы принесём им добрую весть.

Если вы часами шептались, звук обычного голоса производит удивительное действие. Все сразу заговорили и засмеялись, даже Лопух поднял голову и издал громкое «иа-иа-иа» — Обезьян не позволял ему этого много дней подряд. Затем они пошли на барабанный бой. Он становился всё громче, громче. На просёлочной дороге (хотя в Англии её едва вообще назвали бы дорогой), идущей через Фонарную Пустошь, они увидели свет факелов. Около тридцати гномов бодро шагали вперёд, и каждый нёс на плече крохотную лопату или кирку. Двое вооружённых тархистанцев возглавляли колонну и двое замыкали её.

— Стойте! — загремел Тириан, преграждая им путь. — Стойте, солдаты. Кто отдал вам приказ и куда ведёте вы этих нарнийских гномов?

Глава седьмая
В основном о гномах

Солдаты, возглавлявшие колонну, решили, что перед ними знатный вельможа или тархан с двумя вооружёнными пажами. Они вытянулись и отсалютовали копьями.

— О господин наш, — сказал один, — мы ведём этих карликов в Тархистан, в рудники Тисрока, да живёт он вечно.

— Клянусь великой Таш, они весьма послушны, — сказал Тириан. Он обернулся к гномам.

Каждый шестой нёс фонарь, и в мерцающем свете король увидел бородатые лица, смотревшие на него исподлобья. — Быть может, Тисрок выиграл великую битву, гномы, и завоевал вашу страну, что вы так покорно идёте умирать в соляные копи Паграхана?

Солдаты уставились на него свирепо и удивлённо, однако гномы ответили хором:

— Приказ Аслана, приказ Аслана. Он продал нас. Что можем мы против него?

— Тисрок! Ещё чего! — прибавил один и сплюнул. — Посмотрел бы я, как ему это удалось!

— Молчать, собака! — прикрикнул старший солдат.

— Глядите, — сказал Тириан, выталкивая на свет Лопуха. — Аслан не возвращался в Нарнию. Всех вас обманул Обезьян. Вот кого выводил он из хлева и показывал вам. Смотрите же!

Конечно, увидев Лопуха вблизи, гномы поразились, как вообще можно было ошибиться. За последние недели в хлеву шкура приобрела довольно неопрятный вид и сильно сбилась набок. К тому же голова сползла далеко назад и немного на ухо, и теперь каждый мог видеть глупую, кроткую ослиную морду. Изо рта свисали стебельки, потому что он тихонько пощипывал траву по

дороге. Осел пробормотал: «Я не виноват. Я не умён. И никогда не был».

На мгновение все гномы уставились на Лопуха, широко раскрыв рты. Потом один из солдат резко спросил: «Не сошли ли вы с ума, о господин мой? Что вы делаете с рабами?», а другой сказал: «Кто вы такой?» И копья, поднятые в приветственном жесте, опустились, готовые к бою.

— Назовите пароль, — сказал старший.

— Вот мой пароль, — ответил король, вынимая меч: — Воссияла заря, повержена ложь. А теперь защищайся, неверный, ибо я — Тириан Нарнийский.

И он молнией бросился на старшего солдата. Юстэс вытащил меч следом за королем и кинулся на другого. Лицо его залила смертельная бледность, но я не стал бы его упрекать. И ему повезло, как иногда случается с новичками. Всё, чему Тириан пытался научить его накануне, вылетело у него из головы. Он бешено размахивал саблей (я даже не уверен, не зажмурил ли он глаза) и вдруг обнаружил, к своему величайшему удивлению, что тархистанец лежит мёртвый у его ног. Опасность миновала, но в первый момент это было скорее страшно. Поединок короля закончился минутой позже, он тоже убил своего противника

и крикнул Юстэсу: «Берегись двух других!»

Но с теми уже управились гномы. Больше врагов не было.

— Славный удар, Юстэс! — воскликнул Тириан, хлопая его по спине. — Теперь, гномы, вы свободны. Завтра я поведу вас освобождать Нарнию. Да здравствует Аслан!

Его слова, однако, произвели довольно жалкое впечатление. Примерно пять гномов робко попытались его поддержать, но сразу смолкли; некоторые угрюмо заворчали, многие не сказали ничего.

— Вы что, не поняли? — нетерпеливо спросила Джил. — Что с вами, гномы? Вы не слышали, что сказал король?! Обезьян больше не будет править Нарнией. Все вернутся к нормальной жизни. Вы снова можете радоваться. Разве вы не довольны?

После долгой паузы неприятный с виду гном с чёрными, как сажа, бородой и волосами сказал:

— А вы-то, барышня, кто такая?

— Я Джил, — сказала она. — Та самая Джил, которая спасла короля Рилиана от чар. А это Юстэс, мы были вместе, а теперь вернулись из другого мира спустя сотни лет. Нас послал Аслан.

Гномы переглянулись, усмехаясь, но не весело, а зло.

— Да-а, — сказал чёрный гном (его звали Гриффл). — Не знаю, как вы, я лично по горло сыт рассказами об Аслане.

— Верно, верно, — проворчали другие гномы. — Всё тут надувательство, сплошное надувательство.

— Что? — Тириан не побледнел во время боя, он побледнел сейчас. Как ждал он этой минуты! И вот всё обернулось дурным сном.

— Вы, верно, думаете, мы совсем придурки, —

сказал Гриффл. — Нас один раз уже провели, а вы хотите тут же провести нас снова. Хватит с нас историй про Аслана! Посмотрите-ка на него! Старый длинноухий осёл!

— О небо, да вы помешались! — вскричал Тириан. — Кто из нас сказал, что это Аслан? Это обезьянья подделка! Как вы не понимаете?

— А вы сделаете получше, да? — ехидно спросил Гриффл. — Нет уж, спасибо. Один раз мы дали себя одурачить, больше не хотим.

— Нет же, — сердито сказал Тириан, — я служу настоящему Аслану.

— Где он? Кто он? Покажи нам его! — в один голос закричали гномы.

— Что я, по-вашему, ношу его в кармане, глупцы? Кто я такой, чтоб приказать Аслану? Он же не ручной лев.

Как только эти слова слетели с его губ, он понял, что сделал неверный ход. Гномы тут же начали нараспев повторять: «Не ручной лев, не ручной лев», — передразнивая его. «Вот это-то он нам и твердил», — сказал один.

— Вы что, хотите сказать, что не верите в настоящего Аслана? — спросила Джил. — Да я его видела. Это он послал нас двоих из другого мира.

— Ага, — широко ухмыльнулся Гриффл. — Так

я и поверил. Здорово тебя научили. Повторяешь урок, э?

— Грубиян! — вскричал король. — Ты смеешь обвинять леди во лжи!

— Полегче, мистер, — ответил гном. — Не думаю, чтоб мы нуждались в короле — если вы Тириан, что-то вы не больно на него похожи. Мы не нуждаемся больше в Асланах и сами о себе позаботимся, и ни перед кем не будем снимать шляпу. Ясно?

— Верно, — сказали остальные гномы. — Мы теперь сами по себе. Никаких Асланов, никаких королей, никаких дурацких историй про другие миры. Гномы за гномов.

Они приготовились зашагать туда, откуда пришли.

— Маленькие упрямцы! — сказал Юстэс. — Неужели вы даже не скажете «спасибо» за то, что вас спасли от соляных копей?

— Не надо, с этим тоже всё ясно, — бросил Гриффл через плечо. — Вы хотели нас использовать, потому и освободили. Тоже свою игру разыгрываете. Пошли, ребята!

Гномы затянули мрачную походную песню и под барабанный бой побрели в темноту.

Тириан и его друзья смотрели им вслед. Потом

король сказал единственное слово «идём», и они продолжили путь.

Шли они молча. Лопух чувствовал себя в немилости, к тому же так толком и не понял, что произошло. Джил возмущалась гномами; кроме того, её впечатлила победа Юстэса, она даже несколько оробела. Что до самого Юстэса, сердце его всё ещё билось слишком часто. Тириан и Алмаз грустно замыкали шествие. Король держал руку на шее единорога, а тот время от времени тёрся мягким носом о его щёку. Они не пытались утешить друг друга словами, да и слов таких нелегко было придумать. Тириану раньше и в голову не приходило, что из-за обезьяньего обмана кто-то может потерять веру в настоящего Льва. Он ни на минуту не сомневался, что гномы обрадуются и дружно станут на его сторону. Следующей ночью они бы вместе пошли на холм, к хлеву, и показали бы Лопуха всем нарнийцам, и тогда Обезьян был бы разоблачён. Возможно, произошла бы стычка с тархистанцами, но на этом история бы и кончилась. Теперь, похоже, на это рассчитывать не приходится. Сколько ещё нарнийцев поведёт себя, как гномы?

— Мне кажется, кто-то идёт за нами, — неожиданно сказал Лопух.

Они остановились и прислушались. Сзади отчётливо слышался топот маленьких ног.

— Кто идёт? — крикнул король.

— Всего лишь я, государь, — послышался голос, — я, гном Поггин. Мне только сейчас удалось сбежать от остальных. Я с вами, государь, я на стороне Аслана. Если у вас найдётся для меня подходящий меч, я с радостью буду биться за правое дело.

Все столпились вокруг него, и приветствовали его, и восхищались им, и хлопали его по спине. Конечно, один-единственный гном не сильно менял дело, но все ободрились. Однако Джил и

Юстэс уже зевали вовсю. Веселье весельем, но они слишком устали, чтобы думать о чём-нибудь, кроме постели.

В башню вернулись перед рассветом. Если б их ждал здесь ужин, они бы с радостью поели, но сейчас никто и не подумал с этим возиться. Попили из ручья, сполоснули лица и повалились на скамьи — все, кроме Лопуха и Алмаза, сказавших, что им будет удобнее снаружи. Оно, может, и к лучшему, а то от единорога и толстого взрослого осла в помещении обычно становится тесновато.

Нарнийские гномы, хоть росту в них не больше четырёх футов, на поверку оказываются едва ли не самыми сильными и выносливыми созданиями, и потому Поггин, несмотря на долгий тяжёлый день, проснулся раньше всех совершенно бодрый. Он тут же взял у Джил лук, вышел и подстрелил пару лесных голубей. Потом он уселся на пороге и ощипал их, болтая с Алмазом и Лопухом. Осёл к утру выглядел значительно лучше. Единорог, создание благороднейшее и деликатнейшее, был к нему очень добр и говорил о вещах, понятных обоим: о траве и сахаре и об уходе за копытами. Юстэс и Джил вышли из башни почти в половине одиннадцатого, позёвывая и потирая глаза. Гном показал им, где

можно набрать дикого фрасника, нарнийского сорняка вроде нашего щавеля, хотя вкуснее (вообще-то готовят его с маслом и перцем, но пришлось обойтись без них). Так, одно за другим, они собрали всё необходимое для сытной похлебки на завтрак, или обед, называйте, как хотите. Немного позже Тириан нарубил в лесу веток для костра. Пока еда готовилась — запах становился все чудеснее, — король подобрал Поггину полное вооружение: кольчугу, шлем, щит, меч, перевязь и кинжал. Затем он проверил саблю Юстэса и обнаружил, что тот сунул её в ножны, не стерев кровь тархистанца. Тириан отчитал его и велел почистить саблю. Всё это время Джил слонялась туда-сюда, то внимательно разглядывая котелок, то с завистью наблюдая за единорогом и ослом, которые мирно паслись рядом. Сколько раз за это утро она пожалела, что не может есть траву!

Когда еда наконец подоспела, все почувствовали, что ждать стоило, и все до одного попросили добавки. Наевшись, трое людей и гном уселись на пороге, а четвероногие улеглись перед ними. Гном (с разрешения Джил и Тириана) закурил трубку, и король сказал:

— Итак, друг Поггин, ты, вероятно, знаешь о врагах больше, чем мы. Расскажи нам. И прежде

всего — какую сказку они сочинили про мой побег?

— Самую коварную сказку, государь, — сказал Поггин. — Это всё кот, рыжий кот, это он рассказал её, и, похоже, он её и придумал. Этот рыжий кот, государь, — ловкий плут, как все коты. Он сказал, что проходил мимо дерева, к которому эти мерзавцы привязали ваше величество. И он говорил (не при вас будь сказано), что вы выли, и ругались, и проклинали Аслана «словами, которые мне не хотелось бы повторять» — так он выразился и напустил на себя такой чопорный и строгий вид, вы знаете, коты это умеют. И тут, сказал Рыжий, в блеске молнии неожиданно появился сам Аслан и проглотил ваше величество одним глотком. Все звери задрожали, многие попадали в обморок. Следом, конечно, выступил Обезьян. Так, сказал он, будет со всяким, кто не почитает Аслана, пусть это послужит вам предостережением. А бедные создания завыли, запричитали и сказали, что послужит, да, послужит. Так что побег вашего величества совсем не вдохновил их идти вам на помощь, а только запугал и сделал ещё покорней Обезьяну.

— Какая гнусная хитрость! — сказал Тириан. — Наверное, этот Рыжий посвящён в его планы.

— Скорее, государь, он Обезьяна использует, — отвечал гном. — Видите ли, Обезьян начал выпивать. Я так полагаю, всю интригу сейчас ведут Рыжий и Ришда, тархистанский начальник. И гномам что-то Рыжий наговорил, потому они так подло и отвернулись от вас. Я расскажу вам, как было дело. Позапрошлой ночью как раз закончилось одно из этих кошмарных сборищ, я уже шёл домой и тут обнаружил, что забыл там свою трубку. Это была добрая трубка, старая любимица, и я отправился назад поискать её. Иду я к тому месту, где сидел (а темно было, хоть глаз выколи), и вдруг слышу вроде кошачье «мяу», а потом голос тархистанца: «Говорите тише». Я замер как вкопанный. Это был Рыжий и Ришда-тархан, они его так зовут. «Благородный тархан, — вкрадчиво говорит кот, — я хотел бы знать точно, что мы оба подразумевали сегодня, говоря, что Аслан значит не больше, чем Таш». «Без сомнения, о проницательнейший из котов, — отвечает Ришда, — ты постиг смысл моих слов». «Вы имели в виду, — говорит Рыжий, — что его нет вовсе». — «Это известно всем просвещённым людям». «Тогда мы можем друг друга понять, — промурлыкал кот. — Вероятно, вас, как и меня, несколько утомил Хитр». «Глупая

жадная скотина, — говорит тархан, — но пока он нам пригодится. Мы сохраним всё в тайне и заставим Обезьяна подчиняться нам». «И есть смысл, — сказал напоследок Рыжий, — посвятить в наши планы нескольких наиболее просвещённых нарнийцев, которых сочтем годными. Ибо звери, которые действительно верят в Аслана, могут изменить в любой момент; они так и сделают, лишь только безрассудство Обезьяна выдаст его. Полагаться можно только на тех, кого не интересуют ни Аслан, ни Таш, а только собственная выгода и та награда, которую даст им Тисрок, когда Нарния станет Тархистанской провинцией!» «Превосходнейший кот, — сказал начальник, — отбирай их тщательно».

Пока гном рассказывал, погода изменилась. Было солнечно, когда они усаживались. Теперь Лопух дрожал. Алмаз тревожно осматривался. Джил взглянула на небо.

— Тучи собираются, — сказала она.

— И так холодно, — сказал Лопух.

— Слишком холодно, клянусь Львом! — произнёс Тириан, дуя на руки. — Тьфу, что за мерзкий запах!

— Будто падалью воняет, — задохнулся Юстэс. — Может, тут где-нибудь дохлая птица?

Почему мы раньше ничего не чувствовали?

Резко повернувшись, Алмаз вскочил и указал на что-то рогом.

— Смотрите! — вскричал он. — Смотрите туда! — И все увидели. И глубочайшее отчаяние сковало их.

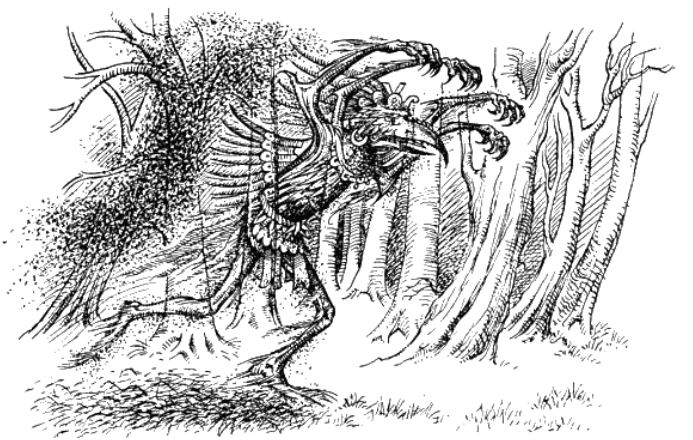
Глава восьмая
Какие вести принёс орёл

В тени деревьев на противоположной стороне поляны что-то очень медленно двигалось к северу. Оно было серым и прозрачным, как дым, но пахло отвратительно и, кроме того, сохраняло форму, а не клубилось. Очертаниями оно напоминало человека, но с головой птицы, хищной птицы с жёстким, изогнутым клювом. У него

было четыре руки, оно держало их над головой, протягивая к северу, словно желало обхватить всю Нарнию, и на всех двадцати пальцах, изогнутых, как и клюв, вместо ногтей были длинные, острые птичьи когти. Оно не шло, оно плыло по траве, и трава словно вяла под ним.

Едва взглянув на него, Лопух пронзительно завопил и стремглав бросился в башню. А Джил (которая, как всем известно, отнюдь не была трусихой) закрыла лицо руками. Остальные смотрели, пока через минуту чудовище не скрылось в густых деревьях справа от них.

Снова вышло солнце и запели птицы.

Все свободно вздохнули и зашевелились, потому что всё это время стояли, как статуи.

— Что это было? — прошептал Юстэс.

— Я видел её раньше, — сказал Тириан, — но тогда она была вырезана из камня и покрыта золотом, а в глаза были вставлены алмазы. Я был тогда не старше тебя и гостил при дворе Тисрока в Ташбаане. Он повёл меня в главный храм Таш. И я её видел над алтарем, высеченную из камня.

— Так это… это была Таш? — спросил Юстэс.

Вместо ответа Тириан взял Джил за плечи и спросил: «Что с вами, леди?»

— В-в-всё в порядке, — сказала Джил, отнимая руки от бледного лица и пытаясь улыбнуться. — Что-то немного замутило.

— Итак, — сказал единорог, — по-видимому, это действительно Таш.

— Да, — сказал гном, — и этот дурак Обезьян получит то, что звал, да не ждал. Позвал Таш — Таш и пришла.

— Куда оно… она… это двигалось? — спросила Джил.

— К северу, в самое сердце Нарнии, — сказал Тириан, — чтобы поселиться у нас. Они её звали, и она пришла.

— Хо-хо. — Гном, посмеиваясь, потер тёмные

руки. — Вот так сюрприз Обезьяну! Поменьше поминали бы демонов, если б знали, что говорят.

— Кто знает, будет ли Таш видима Обезьяну? — сказал Алмаз.

— А где Лопух? — спросил Юстэс.

Все стали звать Лопуха, а Джил даже обошла башню, посмотреть, нет ли его сзади. Они уже устали от поисков, когда в дверь просунулась большая голова и спросила: «Уже ушёл?» Его едва уговорили выйти, он трясся, как собака перед грозой.

— Я вижу, — сказал Лопух, — что впрямь был очень плохим ослом. Я не должен был слушать Хитра. Разве я думал, что может случиться такое!

— Если б ты тратил меньше времени на разговоры о своей глупости и больше на то, чтобы в меру своих сил попытаться поумнеть… — начал Юстэс, но Джил перебила его.

— Ох, оставьте бедного Лопуха в покое, — сказала она. — Он это не нарочно, правда, Лопух, дорогой? — И она поцеловала его в нос.

Всё ещё возбуждённая компания вновь расселась по местам и продолжила беседу.

Алмаз почти ничего рассказать не мог. Он стоял привязанный за хлевом и, конечно, вражеских планов не слышал. Его пинали (иногда ему уда-

валось дать сдачи), и били, и угрожали смертью, если он откажется признать, что это Аслана выводят и показывают по ночам. И казнили бы этим утром, если б его не спасли. Что сделали с ягнёнком, он не знал.

Первым делом надо было решить, стоит ли идти к хлеву этой же ночью, чтоб показать осла всем нарнийцам, или же двигаться к востоку, навстречу войску, которое кентавр Руномудр ведёт из Кэр-Параваля, и напасть на Обезьяна и тархистанцев. Тириан больше склонялся к первому плану: ему претила самая мысль, что Обезьян будет морочить его народ хоть минутой дольше. С другой стороны, после встречи с гномами он уже не был уверен, как народ воспримет появление Лопуха. Да и нельзя забывать, сколько там тархистанских солдат. Поггин думал, около тридцати. Тириан не сомневался, что если все нарнийцы встанут на его сторону, то он, Алмаз, дети и Поггин (на Лопуха они не слишком полагались) могут рассчитывать на победу. Но что если половина нарнийцев вроде вчерашних гномов сядет и будет наблюдать, а то и драться против них? Рисковать страшно. Кроме того, там сейчас это чудище — Таш. Чего ждать от неё?

Поггин считал, что Обезьяна не вредно на де-

нёк-другой оставить с его трудностями. Выводить и показывать ему теперь некого. Пусть попробует — он ли, Рыжий ли — это объяснить, если звери будут ночь за ночью ждать Аслана, а Аслана не будет. Тогда даже у самых легковерных появятся сомнения.

В конце концов все согласились, что лучше всего идти навстречу Руномудру. И только они так решили, как сразу удивительно повеселели. Я вовсе не думаю, что кто-нибудь из них боялся драки (исключая, может быть, Джил или Юстэса). Мне кажется, каждый из них в глубине души предпочитал не приближаться, по крайней мере пока, к ужасному птицеголовому существу, видимому или невидимому, обитавшему теперь, наверное, в хлеве на холме. В любом случае, когда примешь решение, на душе становится легче.

Тириан сказал, что теперь их маскарад может только навредить: если верные нарнийцы примут их за тархистанцев, они ведь могут и напасть на них. Гном приготовил неприятную на вид смесь, взяв золу из очага и жир для смазки мечей и наконечников копий. Потом они сняли тархистанские доспехи и спустились к воде. Смесь мылилась как мягкое мыло. Приятно и уютно было видеть, как Тириан и дети, стоя на коленях

у воды, трут шеи, пыхтя и отдуваясь, смывают пену. В башню они вернулись с красными, сияющими лицами, словно старательно вымылись к празднику. Потом они выбрали себе настоящее нарнийское оружие — прямые мечи и треугольные шлемы.

— Так-то лучше, — сказал Тириан. — Я снова чувствую себя человеком.

Лопух умолял снять с него львиную шкуру. Он сказал, что ему в ней жарко, и она очень неудобно собралась у него на спине, и вообще он выглядит в ней глупо. Его уговорили поносить её ещё денёк-другой, чтоб показаться в таком наряде другим зверям, после того как они соединятся с Руномудром.

Остатки утренней трапезы не имело смысла брать с собой, они прихватили только немного сухарей. Потом Тириан запер башню. Больше они в неё не возвращались.

Когда они вышли, было чуть больше двух часов пополудни. Солнце сияло сквозь ветви деревьев, согревая их, и молодые листочки уже смело пробивались к свету, и подснежники сменились первоцветами, и пели птицы, и откуда-то доносился плеск воды. Был первый по-настоящему тёплый весенний день. Как-то не хотелось думать

о всяких ужасах вроде Таш. Дети думали: «Вот наконец настоящая Нарния». Даже у Тириана полегчало на сердце. Он шёл впереди, напевая про себя старинный нарнийский марш. Там был припев:

Это гром, гром, гром,
Громкий барабанный бой.

За королём шли Юстэс и Поггин. Поггин показывал Юстэсу те нарнийские деревья, травы и птиц, чьи названия тот прежде не знал. А Юстэс рассказывал ему про английские растения.

Следом шёл Лопух, а за ним, рядышком, Джил и Алмаз. Джил просто влюбилась в единорога. Она думала (и не ошибалась), что это самое прекрасное, самое грациозное животное из всех, кого ей доводилось встречать. Он был столь учтив и обходителен, что вы бы не поверили, как неистов и ужасен бывает он в бою.

— До чего прекрасно просто идти вот так, как сейчас, — сказала Джил. — Побольше бы таких приключений. Как жалко, что в Нарнии всегда что-нибудь случается!

Единорог объяснил ей, что она не права, просто сыновья и дочери Адама и Евы попадают в Нарнию из своего удивительного мира, лишь когда

в Нарнии непорядок или беда, но не следует думать, будто это всегда так. Меж их посещениями проходят тысячи и тысячи лет, мирные короли сменяют друг друга, и даже имена их теряются, и кто из них какой по счету, и почти нечего заносить в исторические книги. Он рассказывал о древних королях и героях, о которых Джил никогда не слыхала. Он рассказывал о королеве Лилиане Белая Лебедь, жившей до Белой Колдуньи и Великой Зимы. Красота её была столь совершенна, что, когда она гляделась в лесное озеро, как в зеркало, воды его хранили её отражение год и один день. Он рассказывал о зайце Луниане Лесном Месяце, который обладал такими чуткими ушами, что, сидя близ Каменного Котла, мог сквозь грохот водопада слышать, о чём шепчутся в Кэр-Паравале. Он рассказал, как король Ветр, потомок первого короля Франциска в девятом колене, плавал в Восточные моря и освободил Одинокие Острова от дракона и как их жители навечно отдали острова под покровительство нарнийской короны. Он рассказывал о целых столетиях, когда Нарния была так счастлива, что в памяти оставались лишь пышные пиры, пляски, а главным образом — турниры, и каждый день был лучше предыдущего.

Джил слушала его, забыв обо всём, и представляла картины счастливых тысячелетий, год за годом, пока ей не показалось, что она смотрит с высокого холма на прекрасную плодородную долину, покрытую лесами, полями и реками, простирающуюся вдаль, сколько хватает глаз, и теряющуюся в дымке у горизонта. И она сказала:

— Ах, как я надеюсь, что мы скоро разделаемся с Обезьяном и вернётся обычная добрая жизнь! И будет всегда-всегда-всегда. Наш мир должен когда-то кончиться, а этот, быть может, — нет? О Алмаз, если бы Нарния была всегда и такой, как в твоём рассказе!

— Увы, сестра, — ответил Алмаз, — к концу подходят все миры, кроме страны Аслана.

— Ну что ж, — вздохнула Джил, — надеюсь, что в этом мире до конца ещё миллионы и миллионы лет… А почему мы остановились?

Король, Юстэс и гном напряжённо всматривались в небо. Джил вздрогнула, вспомнив недавно пережитый ужас. Но это было что-то совсем другое, маленькое, чёрное на синем фоне.

— Судя по полёту, — сказал единорог, — это говорящая птица.

— Я тоже так думаю, — ответил король. — Но друг это или соглядатай Обезьяна?

— Похоже, государь, — сказал гном, — это орёл Дальнозор.

— Всё же давайте спрячемся под деревьями, — предложил Юстэс.

— О нет, — возразил Тириан, — лучше замрём на месте. Едва мы начнём двигаться, он нас заметит.

— Он уже заметил нас, — промолвил Алмаз. — Он спускается большими кругами.

— Стрелу на тетиву, леди, — скомандовал Тириан, — но ни в коем случае не стреляйте без моего приказа. Возможно, это друг.

Будь всё мирно и спокойно, каким удовольствием было бы наблюдать изящество и лёгкость, с которыми снижалась огромная птица. Орёл

опустился на каменный утёс в нескольких футах от Тириана, склонил увенчанную гребнем голову и произнёс своим странным голосом:

— Привет тебе, король.

— Привет тебе, Дальнозор, — сказал Тириан. — По тому, что ты называешь меня королём, я заключаю, что ты не принял сторону Обезьяна и его лже-Аслана. Я рад тебе.

— Государь, — промолвил орёл, — когда вы услышите вести, что я принес, появление моё будет для вас горше всех скорбей.

Сердце Тириана остановилось. Он сжал зубы и сказал: «Говори».

— Вот что я видел, — сказал орёл. — Я видел Кэр-Параваль, усеянный телами нарнийцев и полный живыми тархистанцами. Знамя Тисрока развевается над королевскими стенами. Ваши подданные бежали в леса. Кэр-Параваль взят с моря. Двадцать больших судов подошли к нему под покровом тьмы позапрошлой ночью.

Никто не проронил ни слова.

— И ещё я видел: в пяти лигах от Кэр-Параваля кентавр Руномудр лежит бездыханный с тархистанской стрелой в боку. Я был с ним в последние часы. Он послал меня к вашему величеству с такими словами: «Помните, все миры приходят к

концу, и доблестная смерть — драгоценное сокровище, доступное даже беднейшему из бедных».

— Итак, — сказал король после долгого молчания, — Нарнии больше нет.

Глава девятая
Великое собрание у хлева на холме

Они не могли ни говорить, ни даже плакать. Потом единорог ударил копытом оземь и тряхнул гривой.

— Государь, — сказал он. — Теперь нет нужды совещаться. Замыслы Обезьяна шли гораздо дальше, чем нам казалось. Без сомнения, он давно был

в тайных сношениях с Тисроком и, как только нашёл львиную шкуру, дал ему знать, чтоб тот готовился напасть на Нарнию. Нам семерым остаётся отправиться к хлеву, объявить правду и принять приключение, посылаемое нам Асланом. А если случится великое чудо и мы победим, мы вернёмся и умрём в битве с несметным воинством, которое придёт из Кэр-Параваля.

Тириан кивнул. Затем повернулся к детям и сказал:

— Что ж, друзья, вам пора вернуться в свой собственный мир. Вы сделали всё, для чего были посланы.

— Н-но мы ничего не сделали, — сказала Джил. Она вся дрожала, но не от страха, а от того, что всё так ужасно.

— О нет, — ответил король. — Ты освободила меня, ты скользила передо мной, как змея, прошлой ночью в лесу, ты привела Лопуха. А ты, Юстэс, убил своего противника. Вы слишком молоды, чтобы разделить наш кровавый конец — быть может, сегодня ночью, быть может, тремя днями позже. Я умоляю, нет — приказываю вам возвратиться. Я буду опозорен, если позволю столь юным воинам пасть за меня в битве.

— Нет, нет, — сказала Джил (она была совсем

белая, потом вдруг покраснела и снова побелела). — Мы ни за что не вернёмся. Мы будем с вами, что бы ни случилось, ведь так, Юстэс?

— Да. И не надо столько об этом говорить, — сказал Юстэс и засунул руки в карманы (забыв, как смешно это выглядит, когда на тебе кольчуга). — У нас ведь нет выбора. Что значит «пора вернуться»? Как? Мы же не умеем колдовать.

Он был прав, но на миг Джил просто озлобилась на него за такие слова. Он вечно был таким прозаичным, в то время как все взволнованны!

Когда Тириан понял, что двое чужестранцев не могут вернуться домой (если только их не унесёт Аслан), он решил отправить их через горы в Орландию, где им, может быть, удастся спастись. Но они не знали дороги, и отправить с ними было некого. К тому же, как сказал Поггин, раз уж тархистанцы захватили Нарнию, через неделю-другую они захватят и Орландию: Тисрок давно мечтал об этих северных землях. Юстэс и Джил так умоляли Тириана, что в конце концов он разрешил им идти с ним и испытать судьбу, или, как он более чем точно назвал это, «приключение, которое посылает им Аслан».

Сначала король не хотел до темноты возвращаться к хлеву (их уже тошнило от одного этого

слова). Но гном сказал, что при дневном свете они, возможно, найдут холм пустым, исключая разве тархистанского часового. Звери слишком напуганы тем, что Обезьян (или Рыжий) рассказали им про новый гнев Аслана (или Ташлана), и близко не подойдут к холму, пока их насильно не сгонят туда ночью на эту гнусную сходку. А тархистанцы плохо знают лес. Поггин думал, что именно днём можно пробраться незамеченными и спрятаться за хлевом. Как раз ночью это сделать труднее, ибо Обезьян созовёт зверей, да и тархистанцы будут начеку. Это был явно удачный план — им могли помочь только неожиданные действия.

На том и сошлись. Отряд повернул на северо-запад, к ненавистному холму. Орёл то летал над ними, то усаживался Лопуху на спину. Никто, даже король (разве что в случае величайшей нужды) не посмел бы и в мечтах *ехать* верхом на единороге.

Юстэс и Джил шли вместе. Они чувствовали себя такими смелыми, когда умоляли разрешить им остаться, но теперь вся смелость куда-то подевалась.

— Поул, — прошептал Юстэс. — Честно говоря, у меня душа в пятки уходит.

— Ну, с тобой-то порядок, Вред, — сказала Джил. — Ты можешь сражаться. Но я… я, если хочешь знать, я вся дрожу.

— Дрожать ещё ничего, — сказал Юстэс. — Меня вот мутит.

— Об этом лучше не говори, прошу тебя! — сказала Джил. С минуту они шли молча.

— Поул, — сказал наконец Юстэс.

— Что? — спросила она.

— Что будет, если нас тут убьют?

— Скорее всего мы умрём.

— Да нет, я имею в виду, что случится в нашем мире? Может, мы проснёмся и окажемся в поезде? Или исчезнем и никто о нас больше не услышит? Или мы умрём и в Англии?

— Фу ты! Я об этом не подумала.

— Вот Питер и остальные обалдеют: они уже видели, как мы машем из окна, а поезд подойдёт — и никого нет. Или найдут два… я имею в виду, если мы умрём и в Англии.

— Кошмар какой! — сказала Джил.

— Для *нас* не такой уж кошмар, — сказал Юстэс, — нас-то там не будет.

— Я… хотя нет, — сказала Джил.

— Что ты хочешь сказать?

— Я *хотела* сказать, что лучше бы мы не пошли.

Но нет, нет. Даже если нас убьют. Лучше погибнуть, сражаясь за Нарнию, чем стать старой и скучной, и, может, ездить в инвалидном кресле, и в конце концов всё равно умереть.

— Или чтоб тебя сплюснуло в лепёшку на Британской железной дороге!

— Почему ты так сказал?

— Знаешь, когда раздался этот жуткий скрежет, ну, перед тем как нас забросило в Нарнию, мне показалось, что это крушение. Так что я здорово обрадовался, когда мы очутились здесь.

Пока они шептались, остальные подробно обсудили дальнейшие действия и немного приободрились. Они перестали думать, чем может кончиться сегодняшняя ночь, и мысль о том, что слава и радость Нарнии остались в прошлом, отошла на задний план. Нужно было всё время говорить и говорить, чтоб эта мысль не вернулась и они не впали в отчаяние. Поггин горячо убеждал их, что ночное предприятие непременно кончится удачно, что и кабан, и медведь, и, вероятно, все псы примут их сторону, и не могут все гномы думать, как Гриффл. Если придётся сражаться при огне, среди деревьев, это будет на руку слабейшей стороне, то есть им. А если они победят, так ли уж необходимо гибнуть в битве с главной

тархистанской армией через несколько дней?

Можно спрятаться в лесах или даже в Западных Дебрях и жить там вне закона. Каждый день к ним будут присоединяться говорящие звери и жители Орландии. Набрав силы, они наконец выйдут из убежища, уничтожат тархистанцев (которые к тому времени потеряют бдительность), и Нарния возродится. В конце концов, случилось же такое во времена Мираза!

Тириан слушал его и думал: «А как же Таш?» В душе он был совершенно уверен, что ничего этого не будет. Однако вслух ничего не сказал.

Ближе к холму все, конечно, замолчали. Начиналось самое сложное. Путь до задней стены хлева занял более двух часов, и, если его описывать, потребуется несколько страниц. Путешествие от каждого крохотного прикрытия к следующему было отдельным приключением, а в промежутках долго ждали и часто понапрасну пугались. Если вы играли в разведчиков, вы знаете, что это такое. На закате они, целые и невредимые, добрались до рощицы остролиста ярдах в пятнадцати от хлева, пожевали сухарей и легли.

Началось самое худшее: ожидание. К счастью, детям удалось поспать пару часов; они, естественно, проснулись, когда похолодало. Что хуже

всего — им ужасно хотелось пить, а раздобыть воду не было никакой надежды. Лопуха трясло от волнения, и он ничего не говорил. А Тириан спал так сладко под боком у Алмаза, словно в королевской кровати в Кэр-Паравале, пока звук гонга не разбудил его. Он сел, увидел костёр по другую сторону хлева и понял, что час пробил.

— Поцелуй меня, Алмаз, — сказал он, — ибо это наша последняя ночь на земле. Если я в чём-нибудь, большом или малом, провинился перед тобой, прости меня сейчас.

— Дорогой мой король, — сказал единорог, — я почти хочу, чтоб вы были виноваты и я мог простить вас. Попрощаемся. Мы знали вместе немало радостей. Если б Аслан предложил мне выбор, я не выбрал бы ни другой жизни, кроме той, что прожил, ни другой смерти, кроме той, что нас ждёт.

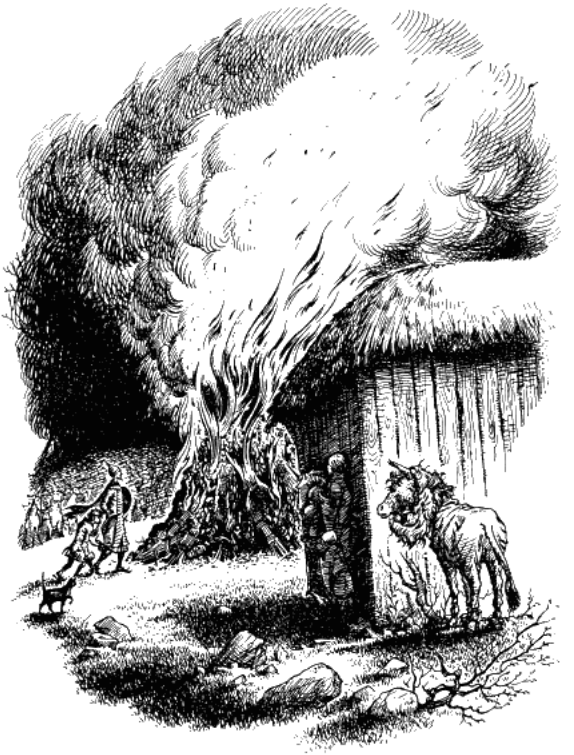
Они разбудили Дальнозора (тот спал, сунув голову под крыло, отчего казалось, что у него совсем нет головы) и поползли. Лопуха оставили за хлевом (конечно, не без добрых слов, потому что никто на него больше не сердился), велели ему не двигаться, пока за ним не придут, и заняли позицию справа от хлева.

Перед хлевом, всего в нескольких футах от

Тириана и его товарищей, только что разожгли костёр. Множество нарнийских созданий толпилось по другую сторону. Тириан сперва не мог разглядеть ничего, кроме десятков глаз, как нам бывают видны только глаза кролика или кошки, если их осветят фары. Звук гонга стих. Откуда-то слева появились трое. Первым шел Ришда-тархан, тархистанский военачальник. Вторым — Обезьян. Тархан держал его за лапу, тот хныкал и бормотал: «Не идите так быстро, не надо, я себя плохо чувствую! О, моя бедная голова! Эти полночные собрания меня доконали. Обезьяны не привыкли вставать по ночам. Я не летучая мышь. Ох, моя бедная голова». Третьим, мягко и важно, высоко подняв хвост, шествовал Рыжий кот. Они направились к костру и прошли так близко от Тириана, что могли его увидеть. К счастью, они смотрели в другую сторону. Однако Тириан слышал, как Ришда-тархан сказал Рыжему:

— Теперь, о мудрейший из котов, займи своё место. И смотри, сыграй свою роль как следует.

— М-мяу, рассчитывайте на меня, — сказал Рыжий. Он обогнул костёр и уселся среди зверей в первом ряду, так сказать, в партере.

Потому что происходящее больше всего походило на театр. Ряды нарнийцев напоминали публику, небольшая поляна перед хлевом, где горел костёр и куда тархан с Обезьяном вышли

говорить с толпой, походила на сцену, сам хлев — на декорацию, а Тириан и его друзья как бы выглядывали из-за кулис. Позиция была великолепная: если они вылезут из засады, то окажутся в кругу света у всех на виду, а так, в тени, заметить их почти невозможно.

Ришда-тархан подтащил Обезьяна к огню. Оба стояли лицом к зверям, то есть спиной к Тириану и его друзьям.

— Теперь, Обезьян, — тихо сказал Ришда-тархан, — произнеси речь, которую вложили в твой рот мудрые головы. — При этом он слегка пнул его кончиком носка.

— Оставьте меня, — проворчал Хитр. Однако выпрямился и громко начал: — Слушайте вы, все. Случилось ужасное. Гнусное. Гнуснейшее из всего, что когда-либо происходило в Нарнии. Аслан…

— Ташлан, дурак, — прошептал Ришда.

— То есть Ташлан, конечно, — сказал Обезьян, — жутко сердит.

В страшной тишине звери ждали, что за новые испытания готовят им. Шестеро в укрытии затаили дыхание.

— Да, — сказал Обезьян, — вы и представить себе не могли, что кто-то осмелится на такое, пусть даже и за тысячу миль отсюда. Да ещё в то самое время, когда Сам Ужасный среди нас — здесь, в хлеву, позади меня. Какой-то гнусный

зверь нарядился в львиную шкуру и бродит здесь неподалёку, выдавая себя за Аслана!

Джил подумала, что Обезьян помешался. Он что, собирается рассказать всю правду? Послышалось рычание, полное ужаса и гнева: «Кто он? Где он? Попадись он мне в зубы!»

— Его видели прошлой ночью, — провизжал Обезьян, — но он удрал. Это осёл! Обычный жалкий осёл! Если вы увидите этого осла…

— Р-р-р-р! — рычали звери. — Лучше ему нам не попадаться!..

Джил поглядела на короля: он открыл рот, лицо его исказил ужас. И тут она поняла всю дьявольскую хитрость врагов: небольшая примесь правды только укрепила ложь. Бесполезно теперь говорить зверям, что осла нарядили в львиную шкуру, чтобы обмануть их. Обезьян скажет: «Вот, об этом я вам и говорил». Что толку показывать Лопуха? Они разорвут его в клочья.

— У нас выбили из рук оружие, — прошептал Юстэс.

— У нас выбили из-под ног землю, — произнёс Тириан.

— Проклятые умники! — сказал Поггин. — Готов поклясться, эта новая ложь — дело Рыжего!

Глава десятая
Кто войдёт в хлев

Джил почувствовала, что кто-то щекочет ей ухо. Это единорог Алмаз шептал что-то мягкими лошадиными губами. Как только она поняла, что он говорит, она кивнула и на цыпочках вернулась к Лопуху. Быстро и бесшумно она разрезала последние верёвки, ещё державшие львиную шкуру. Ему нельзя было оставаться в таком виде после того, что сказал Обезьян. Она попыталась спрятать шкуру куда-нибудь подальше, но удалось лишь запихать её поглубже в густые кусты. Потом она знаками поманила Лопуха за собой, и они присоединились к остальным.

Обезьян продолжал:

— После этого безобразия Аслан… то есть Ташлан рассердился ещё сильнее. Он сказал, что был слишком добр к вам, выходя каждую ночь. Вот! Он больше не выйдет.

Вой, мяуканье, хрюканье и визг раздались в ответ. Но неожиданно сквозь эти звуки прорвался громкий смех и совершенно иной голос.

— Только послушайте, что говорит эта обезьяна! — выкрикнул он. — Мы-то знаем, почему они не будут выводить своего драгоценного Аслана. Я вам скажу почему: потому что его у них нет. У них не было ничегошеньки, кроме старого осла в львиной шкуре. Теперь они и этого потеряли и не знают, как быть.

Тириан не мог разглядеть лиц по ту сторону костра, но догадался, что это Гриффл, главный гном. И совершенно убедился в этом, когда множество гномьих голосов подхватили:

— Не знают, как быть! Не знают, как быть! Не знают, как бы-ы-ы-ыть!

— Молчать! — загремел Ришда-тархан. — Молчать, дети грязных псов! Слушайте меня, вы, нарнийцы, или я прикажу моим воинам успокоить вас саблями. Досточтимый Хитр уже сказал вам про гнусного осла. И вы вздумали, глупцы,

что в хлеву нет настоящего Ташлана, да? Берегитесь!

— Нет! Нет! — закричали почти все, но гномы ответили:

— Верно, черномазый, верно. Давай, обезьяна, показывай, что там у тебя в хлеву. Увидим — поверим.

Когда они затихли, Обезьян сказал:

— Вы, гномы, считаете себя самыми умными! Не торопитесь. Я не говорил, что вы не можете видеть Ташлана. Каждый, кто захочет, может его увидеть.

Собрание на минуту затихло. Потом медведь заговорил, медленно и смущенно.

— Я вот не понимаю, — проворчал он. — Я думал, вы сказали…

— Он думал! — передразнил Хитр. — Как будто то, что творится в твоей башке, можно назвать думаньем. Слушайте, вы. Каждый может видеть Ташлана. Но он не выйдет. Вы должны сойти к нему.

— О, спасибо, спасибо! — послышалось со всех сторон. — Мы этого и хотели! Мы можем войти и говорить с ним лицом к лицу! Какой он добрый, теперь всё будет как в старое время! — Птицы защебетали, собаки оживлённо залаяли, началась

суматоха. Звери хлынули вперёд, пытаясь все разом войти в хлев. Но Обезьян закричал:

— Назад! Тихо! Не так скоро!

Звери замерли на ходу — у кого лапа застыла в воздухе, у кого замер хвост, которым он начал было от радости вилять. И все повернули головы в одну сторону.

— Я думал, вы сказали… — начал медведь, но Хитр перебил его.

— Каждый может войти, — сказал он. — Но только по одному. Кто первый? Между прочим, он не сказал, что настроен по-доброму. Он не раз облизнул губы с тех пор, как проглотил ночью проклятого короля. Он ворчал всё утро. Самому-то мне не очень хочется входить. А вам — как угодно. Кто пойдёт первым? Не пеняйте на меня, если он проглотит вас или испепелит взглядом. Это ваши трудности. Итак! Кто первый? Может, кто из вас, а, гномы?

— Дилли-дилли, чтоб нас там убилли! — презрительно усмехнулся Гриффл. — Откуда мы знаем, что у вас там?

— Хо! — воскликнул Обезьян. — Ты уже думаешь, что там что-то есть! А вы, звери, только что тут шумели, буянили. Что это вы вдруг онемели? Ну, кто первый?

Звери стояли, переглядываясь, а потом медленно попятились от хлева. Хвостом почти никто уже не махал. Обезьян прошёлся вразвалку.

— Хо-хо! Я думал, вы рвётесь увидеть Ташлана! — довольно хихикнул он. — Передумали, а?

Тириан наклонился к Джил — она что-то шептала ему на ухо.

— Как вы думаете, что в хлеву на самом деле? — спросила она.

— Кто его знает? — ответил Тириан. — Скорей всего два тархистанца с саблями по обе стороны двери.

— А вам не кажется… — сказала Джил. — Может, это… знаете… эта ужасная, которую мы видели?

— Сама Таш? — прошептал Тириан. — Неизвестно. Но мужайся, дитя, все мы меж лап настоящего Аслана.

Тут случилось нечто совершенно неожиданное. Рыжий кот произнёс чистым холодным голосом без тени волнения:

— Я войду, если хотите.

Все уставились на кота.

— Заметьте, какая хитрость, государь, — шепнул королю Поггин. — Этот проклятый кот с ними заодно, можно сказать, в самой серёдке заговора.

Готов поспорить, что бы там в хлеву ни было, он выйдет целёхонький и соврёт, будто видел какое-нибудь чудо.

Тириан не успел ответить. Обезьян велел коту выйти вперёд.

— Хо-хо! — сказал он. — Значит ты, нахальная киска, хочешь взглянуть на него лицом к лицу? Что ж, вперёд! Я открою тебе дверь. Если он напугает тебя до смерти, я ни при чём. Сам напросился.

Кот чопорно и важно покинул свое место, держа хвост трубой; ни один волосок не шевельнулся на его лоснящейся шкуре. Он прошел так близко от костра, что Тириан, прижавшийся спиной к стене хлева, мог взглянуть ему прямо в глаза. Большие, зелёные, они ни разу не мигнули. («И в ус не дует, — пробормотал Юстэс. — Знает, что бояться нечего».) Обезьян, ухмыляясь и гримасничая, прошаркал к хлеву вместе с котом… поднял лапу… откинул засов и открыл дверь. Тириану показалось, что кот мурлычет, входя в тёмный проем.

— Ай-яи-ауии! — Дикий кошачий вопль заставил всех подскочить. Вам, наверное, случалось просыпаться ночью оттого, что коты дерутся на крыше; тогда вы знаете, как они вопят.

Этот вопль был хуже. Со страшной скоростью кот выскочил из хлева, сбив Обезьяна с ног. Если б вы не знали, что это кот, вы решили бы, что это рыжая молния. Он мчался обратно в толпу. Звери шарахались от него во все стороны — кому охота встретиться с обезумевшим котом? Он взлетел на ближайшее дерево, юркнул на ветку и свесил голову вниз. Хвост его распушился, глаза горели зелёным огнем, шерсть встала дыбом.

— Я отдал бы свою бороду, — прошептал Поггин, — чтобы узнать, притворяется эта скотина или он впрямь увидел внутри что-то страшное.

— Тише, друг, — сказал Тириан, потому что хотел услышать, о чём шепчутся тархистанец с Обезьяном, но до него донеслось только хныканье: «Моя голова, ох, моя голова». Однако по интонациям он понял, что эти двое почти так же удивлены, как и он сам.

— Довольно, Рыжий, шуметь, — сказал Ришда. — Говори, что ты видел.

— Ай-ай-яу! — визжал кот.

— Разве ты не зовёшься *говорящим* зверем? — сказал тархан. — Прекрати этот мерзкий визг и говори.

То, что за этим последовало, было поистине

ужасно. Тириан, да и все остальные, совершенно отчётливо видели, что кот пытается заговорить, но изо рта его вырывались обычные, безобразные кошачьи крики, какие мы слышим где-нибудь на заднем дворе. Чем дольше он вопил, тем меньше походил на говорящего зверя. Со всех сторон послышались беспокойные всхлипывания и слабые повизгивания.

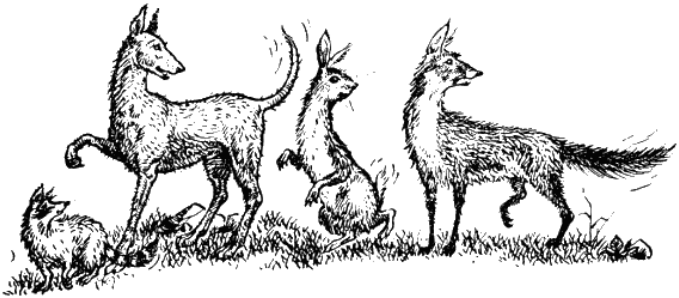
— Глядите, глядите! — раздался голос кабана. — Он не может говорить! Он забыл, как говорить! Он стал бессловесным! Поглядите на его лицо!

И все увидели, что это правда. Величайший ужас охватил нарнийцев. Каждого из них учили — когда он был птенцом, или щенком, или медвежонком, — как Аслан в начале мира превратил нарнийских зверей в зверей говорящих и предупредил, что если они не будут хорошими, то опять станут бедными бессловесными зверьми, как в других странах.

— Теперь это случилось у нас! — стенали они.

— Помилуй, помилуй! — запричитали звери. — Пощади нас, господин Хитр, будь между нами и Асланом, сам входи и говори с ним вместо нас. Мы не смеем, не смеем!

Рыжий исчез в кроне дерева. Больше его никто не видел.

Тириан стоял, положив руку на рукоять меча и склонив голову. Он был ошеломлён. То ему казалось, что пора обнажить меч и броситься на тархистанцев, то он думал, что лучше подождать. И вот события приняли новый оборот.

— Отец мой! — раздался чистый звенящий голос откуда-то слева. Тириан сразу понял, что говорит один из тархистанцев, — в армии Тисрока простые солдаты называют офицеров «господин мой», а офицеры старших офицеров — «отец мой». Джил и Юстэс этого не знали, но, вглядевшись, увидели юношу (он стоял на краю, и его разглядеть было легче, тогда как в середине, за костром, всё казалось чёрным). Он был молод, высок и даже довольно красив — на тёмный, надменный тархистанский лад.

— Отец мой, — сказал он тархану. — Я желаю войти.

— Успокойся, Эмет, — сказал тархан. — Кто звал тебя? Приличествует ли отроку говорить?

— Отец мой, — молвил Эмет. — Истинно, я моложе тебя, однако и в моих жилах течёт кровь тарханов и я тоже слуга Таш. И потому…

— Молчи, — сказал Ришда-тархан. — Или я не твой начальник? Тебе нечего делать в хлеву. Это для нарнийцев.

— О нет, отец мой, — ответил Эмет. — Ты говорил, что их Аслан и великая Таш — одно. Если это правда, там сама Таш. И как говоришь ты, что мне нет дела до неё? Ибо я с радостью приму тысячу смертей, чтобы хоть раз взглянуть в лицо Таш.

— Ты глупец и ничего не смыслишь, — сказал Ришда-тархан. — Это выше твоего разумения.

Лицо Эмета стало строже.

— Так это неправда, что Аслан и Таш — одно? — спросил он. — Обезьян солгал нам?

— Конечно, одно, — ответил Обезьян.

— Поклянись, Обезьян, — сказал Эмет.

— Дорогой мой, — пробормотал Хитр. — Что ты ко мне пристал? У меня болит голова. Да, да, я клянусь.

— Итак, отец мой, — сказал Эмет, — я твёрдо решил войти.

— Безумец… — начал Ришда, но тут гномы за-

кричали:

— Давай, черномазый! Чего ты его не пускаешь? Почему это ты нарнийцев пускаешь, а своих — нет? Чего ты там спрятал, что не хочешь пускать своего?

Тириан с друзьями видели только спину Ришды-тархана и не видели его лица, когда он пожал плечами и сказал:

— Будьте свидетелями, я не виновен в крови этого юного глупца. Входи, наглец, и побыстрее.

Эмет, как и Рыжий, вышел на узкую полоску травы между костром и хлевом. Глаза его сияли, лицо было очень серьёзно, руку он положил на рукоять сабли, голову держал высоко. Джил чуть не вскрикнула, когда увидела его лицо. Алмаз прошептал на ухо королю:

— Клянусь Львиной Гривой! Я почти люблю этого юного воина, хоть он и тархистанец. Он достоин лучшего бога, чем Таш.

— Если б мы знали, что там на самом деле… — сказал Юстэс.

Эмет открыл дверь и вошёл в чёрную пасть хлева. Он закрыл за собой дверь. Прошло всего несколько мгновений — казалось, таких долгих, — прежде чем дверь снова открылась. В проёме показалась фигура в тархистанских до-

спехах, качнулась, выпала наружу и осталась недвижимой; дверь закрылась. Тархан подбежал и склонился, пристально разглядывая лицо. Он вздрогнул от удивления. Потом овладел собой и воскликнул, обращаясь к толпе:

— Нахальный мальчишка получил, что хотел. Он взглянул на Таш и умер. Это урок вам всем!

— Да, увы, увы! — отвечали бедные звери.

Но Тириан и его друзья посмотрели на мёртвого тархистанца, а потом друг на друга. Дело в том, что они стояли близко и видели то, чего не видели звери, стоявшие вдалеке и к тому же за костром. Это был не Эмет. Это был кто-то другой, старше и толще, не такой высокий и с большой бородой.

— Хо-хо, — усмехнулся Обезьян. — Продолжим? Кто ещё хочет войти? Какие-то вы нерешительные. Что ж, я сам выберу следующего. Скажем, ты, кабан. Выходи! Тащите его, тархистанцы! Он *увидит* Ташлана лицом к лицу.

— У-уф, — проворчал кабан, тяжело поднимаясь. — Что ж, давайте, испробуйте мои клыки.

Когда Тириан увидел, что храбрый зверь готов сражаться за свою жизнь, а тархистанские

солдаты приближаются к нему с обнажёнными ятаганами и никто не собирается помочь, что-то в нём взорвалось. Он уже не заботился о том, подходящий ли сейчас момент.

— Мечи наголо, — тихо скомандовал он, — натяните луки. За мной.

В следующую минуту перед изумлёнными нарнийцами выступили из-за хлева семь фигур, четверо из них — в сияющих кольчугах. Меч короля блеснул в свете костра. Он взмахнул им над головой и громко воскликнул:

— Здесь стою я, Тириан Нарнийский! Во имя Аслана, жизнью своей ручаюсь, что Таш — гнусный демон, Обезьян — бесчестный предатель, а эти тархистанцы — достойны смерти. Ко мне, все истинные нарнийцы, ко мне! Неужели вы ждёте, когда ваши новые хозяева перебьют вас одного за другим?!

Глава одиннадцатая
События ускоряются

С быстротой молнии Ришда-тархан отскочил назад — туда, где меч короля не мог его достать. Он не был трусом, он мог при необходимости сразиться и с королем, и с гномом. Но одновременно защищаться и от орла, и от единорога он не мог. Он знал, как орлы бросаются в лицо врагу, выклёвывают глаза и ослепляют крыльями, и слышал от отца (который встречался с нарнийцами в битве), что лишь человек, вооружённый луком или длинным копьём, может противостоять единорогу, когда тот встает на дыбы и обрушивается разом и копытами, и зубами, и рогом. Поэтому

тархан отскочил в сторону и закричал:

— Ко мне, ко мне, все воины Тисрока, да живёт он вечно! Ко мне, все верноподданные нарнийцы, дабы гнев Ташлана не обрушился на вас!

Тут произошли, одно за другим, два события. Обезьян, который соображал медленнее тархана, не сразу понял опасность и секунду-другую сидел на корточках перед огнём, уставившись на пришельцев. Тириан схватил гадкое создание за шкирку и бросился обратно к хлеву, крича: «Откройте дверь!» Поггин быстро распахнул дверь. «Испробуй своей собственной стряпни!» — воскликнул Тириан и швырнул Обезьяна в темноту. Как только гном с грохотом захлопнул дверь, ослепительный сине-зелёный свет вспыхнул в хлеву, земля содрогнулась и раздался странный клокочущий звук — словно бы хриплый голос какой-то чудовищной птицы. Звери завыли, застенали, закричали:

— Это Ташлан! Спрячьте нас от него!

Многие попадали на землю, другие закрыли лица крыльями или лапами. Никто, кроме орла Дальнозора, чьи глаза были самыми зоркими, не заметил в этот момент лица Ришды-тархана. Орёл обнаружил, что Ришда поражён и почти так же напуган, как и все остальные. «Вот что бывает

с теми, — подумал Дальнозор, — кто призывает богов, в которых не верит. Радости мало, когда они и впрямь явятся».

В тот же самый момент случилось третье событие — единственно приятное в эту ночь. Все до одного говорящие псы (их было пятнадцать), радостно лая, бросились к королю — огромные псы с крепкими лопатками и тяжёлыми челюстями. Они хлынули, словно могучая волна на морской берег, едва не сбивая с ног, и хоть и были говорящими, однако оставались псами: все встали на задние лапы, положили передние людям на плечи и принялись лизать им лица, в один голос повторяя:

— Ура! Ур-ра! Ур-рау-ау-ау! Мы поможем вам-вам-вау-вау! Приказывай-вау-вау-вау!

Это было так чудесно, что просто хотелось плакать. В конце концов, только на это они и надеялись. А когда ещё через минуту несколько мелких зверушек (мыши, кроты, пара белок) засеменили к ним, радостно приговаривая: «Вот и мы, вот и мы!» — и следом за ними подошли медведь и кабан, Юстэс подумал было, что, может, всё и устроится. Но Тириан огляделся и увидел, сколько зверей не двинулось с места.

— Ко мне! Ко мне! — закричал он. — Неужели

вы стали трусами, пока я был вашим королём?!

— Мы не смеем, — прохныкали десятки голосов. — Ташлан может рассердиться. Укрой нас от Ташлана.

— Где говорящие кони? — спросил Тириан.

— Мы видели, видели их, — пропищала мышь. — Обезьян заставлял их работать. Они привязаны там, у подножия холма.

— Скорее, — сказал Тириан, — все вы, кто поменьше, кто грызёт, копает и щёлкает орехи, как можно быстрее бегите вниз и узнайте, на чьей они стороне. Если на нашей — перегрызите зубами верёвки, освободите лошадей и ведите сюда.

— С превеликой охотой, государь, — раздались тоненькие голоса, и, взмахнув хвостиками, остроглазый и острозубый народец исчез. Тириан с нежностью улыбнулся им вслед. Однако нельзя было терять времени: Ришда-тархан отдавал приказы.

— Вперед, — говорил он. — Хватайте их живьём и бросайте в хлев или сгоняйте их туда — когда всех соберём, подожжём его и принесём жертву великой Таш.

— Гм! — сказал себе Дальнозор. — Вот как он надеется вымолить прощение у Таш за свое неверие.

Строй врагов — почти половина сил Ришды — двинулся на Тириана, и тот едва успевал отдавать свои приказы.

— Встань слева, Джил, и постарайся стрелять метко. Кабан и медведь — рядом с ней. Поггин — по левую руку от меня, Юстэс — по правую. Держись на правом фланге, Алмаз. Лопух, ты рядом с ним, дерись копытами. Ты, Дальнозор, бей их с воздуха. Вы, псы, прикроете нас сзади и броситесь, когда начнётся сражение. Да поможет нам Аслан!

Сердце у Юстэса бешено колотилось, но он всей душой надеялся быть храбрым. Никогда не испытывал он такого ужаса (хотя видел и дракона, и морского змея), а сейчас у него кровь стыла, ибо он видел ровный строй тёмных лиц с горящими глазами. Здесь были пятнадцать тархистанцев, говорящий нарнийский бык, лис Слинки и сатир Враггл.

Над левым его ухом просвистела стрела, и один тархистанец упал; просвистело справа, и упал сатир. «Молодец, дочка!» — раздался голос Тириана. И тут враги обрушились на них.

Юстэс не мог потом вспомнить, что же произошло дальше. Он был как во сне (бывают такие сны, когда температура под сорок), пока не услы-

шал издалека голос Ришды-тархана:

— Назад. Отступить и перестроиться.

Он очнулся и увидел спины тархистанцев. Но далеко не всех. Двое лежали, пронзённые рогом Алмаза, один — мечом Тириана. Лис лежал мёртвым у его собственных ног, и Юстэс не мог понять, неужели это он его убил. Рядом лежал бык, из глаза у него торчала стрела Джил, а в боку зияла рана от клыков кабана. Но были потери и у своих. Погибли три пса, а четвертый прыгал на трёх лапах и выл. Медведь лежал на земле и беспомощно дёргался. Потом он пробормотал хриплым голосом, недоумевая, как всегда: «Я… не понимаю…» — тихо положил большую голову на траву, словно ребёнок, отходящий ко сну, и больше не шевелился.

И всё-таки первая атака была отбита. У Юстэса даже не было сил радоваться — так хотелось пить и болела рука.

Разбитые тархистанцы вернулись к своему командиру. Гномы принялись издеваться над ними:

— Получили, черномазые? — злорадствовали они. — Довольны? Что ж ваш хвалёный Ташлан не выходит вам помочь? Бедненькие черномазые!

— Гномы! — вскричал Тириан. — Идите сюда и пустите в дело свои мечи, а не свои языки. Ваше время, гномы Нарнии! Вы умеете сражаться, я знаю! Будьте же снова верными и преданными!

— Ха-ха! — ухмыльнулись гномы. — Вот уж нет. Ты такой же обманщик, как и другие. Нам не нужны короли. Гномы за гномов. Вот!

Тут загремел барабан, но это не был барабан гномов. Это был большой тархистанский барабан из бычьей кожи. Детям звук сразу не понравился. Бум-бум-ба-ба-бум — гремел он. Если б они знали, что он означает, они бы возненавидели его. Тириан знал. Этот звук означал, что где-то поблизости есть другие тархистанские отряды и Ришда-тархан зовёт их на помощь. Тириан и Алмаз печально переглянулись. Забрезжившая было надежда победить этой ночью теперь рухнула.

Тириан в отчаянии огляделся и увидел новых нарнийцев в стане врагов. Они присоединились к ним то ли из трусости, то ли от страха перед Ташланом (за который их и не осудишь). Другие сидели, тупо уставившись в одну точку, и вряд ли были способны сражаться. Вообще зверей стало гораздо меньше, толпа сильно поредела. Наверное, многие тихонько разбежались во время боя.

— Бум-бум-ба-ба-бум, — зловеще гремел барабан. И вот к нему присоединились новые звуки. «Слушайте!» — сказал Алмаз. «Смотрите!» — воскликнул Дальнозор. Сомнений не было: это громко стучали копыта двух десятков или даже больше говорящих нарнийских коней. Вскидывая головы и раздувая ноздри, они шли в атаку на холм, и гривы их стлались по ветру. Грызуны сделали своё дело.

Гном Поггин и дети уже готовы были закричать от радости, но крик замер у них на губах. Резкие звуки спускаемой тетивы внезапно наполнили воздух. Это гномы — Джил не верила своим глазам! — стреляли в коней. Гномы, превосходные лучники… Как подкошенные один за другим падали благородные животные. Ни один конь не достиг вершины, где стоял король.

— Маленькие свиньи! — чуть не зарыдал Юстэс, тряся кулаками от гнева. — Гадкие, гнусные, мерзкие маленькие предатели!

Даже Алмаз сказал:

— Государь, позвольте мне насадить на рог десяток этих негодяев.

Но Тириан сжал зубы и твёрдым, как камень, голосом произнёс:

— Утишь свой гнев, Алмаз. Если ты не можешь

сдержать слез, милая (он повернулся к Джил), — отвернись, чтобы не намочить тетиву. Успокойся, Юстэс. Не пристало воину браниться, как кухонная девчонка. Учтивые слова и тяжёлые удары — его язык.

А гномы издевались над Юстэсом:

— Удивился, малыш, ага? Думал, мы будем за вас? Ну едва ли. Нам не нужны говорящие кони — чтоб вы побеждали больше, чем другая шайка. Нас в это дело не втравите. Гномы за гномов.

Ришда-тархан что-то говорил своим людям; без сомнения, он готовился к следующей атаке и, видимо, жалел, что не послал сразу все свои силы. Барабаны не смолкали. И вдруг, к ужасу наших друзей, где-то далеко-далеко ответил другой барабан. Ещё один тархистанский отряд услышал сигнал Ришды и шёл на помощь! Но никто не догадался бы по лицу Тириана, что только сейчас он потерял последнюю надежду.

— Слушайте, — прошептал он совершенно будничным голосом, — мы должны атаковать сейчас, прежде чем негодяи соединятся.

— Государь, — сказал Поггин. — Покуда за нами деревянная стена, мы надёжно прикрыты с тыла. Если мы выступим вперёд, нас тут же окружат и перебьют.

— Всё верно, гном, — ответил король, — но в этой стене есть дверь, куда нас хотят загнать, и чем дальше мы от неё будем, тем лучше.

— Король прав, — сказал Дальнозор. — Прочь, прочь от проклятого хлева, какая бы нечисть в нём ни жила.

— Да, и поскорей, — сказал Юстэс. — Мне ненавистен самый его вид.

— Хорошо, — произнёс король. — Поглядите вон туда. Видите слева большой белый камень? Он при свете костра блестит, как мраморный. Запомните его. Сначала мы нападём на этих тархистанцев. Ты, девица, осыпай градом стрел их левый фланг, а ты, орёл, слепи им глаза справа. Мы ударим по остальным и либо сразу обратим их в бегство, либо это нам вообще не удастся: нас слишком мало. Если ты, Джил, не сможешь больше стрелять, не рискуя попасть в нас, отступай к белому камню. Помните: даже в бою нужно видеть ясно и слышать чутко. Как только я крикну «назад», бегите, как и Джил, к белому камню. Там, под прикрытием, мы сможем перевести дыхание. Ступай, Джил.

Джил отбежала шагов на двадцать. Она почувствовала себя ужасно одинокой. Как ей хотелось, чтобы руки не дрожали так сильно! Она твёрдо

встала, выставила вперёд правую ногу, отставила назад левую и положила стрелу на тетиву. «Первый выстрел потеряла», — сказала она себе, когда её стрела просвистела над головами врагов, и быстро положила на тетиву следующую. Она знала, что всё решает скорость. Что-то большое и чёрное металось перед лицами тархистанцев. Она догадалась, что это Дальнозор. Один за другим солдаты бросали мечи и закрывали лица руками, защищая глаза. Потом её стрела поразила солдата, другая — нарнийского волка, который сражался за врагов. Однако через несколько минут стрельбу пришлось прекратить: впереди блеснули мечи, клыки кабана и рог Алмаза, и под громкий лай собак отряд Тириана стремительно бросился на противника, словно бегуны на тысячеметровом забеге. Джил поразилась, какой неожиданностью это оказалось для тархистанцев, даже не подозревая, что это её с Дальнозором заслуга. Не всякий отряд может как следует наблюдать за происходящим, если с одной стороны его осыпают стрелами, а с другой атакует орёл.

— Молодцы! Отлично! — кричала Джил. Королевский отряд прокладывал путь сквозь ряды врагов. Единорог расшвыривал людей, будто вилами сено. Джил казалось (она всё-таки не

слишком разбиралась в фехтовальном искусстве), что даже Юстэс сражается превосходно. Собаки хватали тархистанцев за горло. Всё шло великолепно! Это была победа!..

И вдруг Джил с ужасом заметила одну странную вещь. Хотя тархистанцы падали при каждом взмахе нарнийского меча, их почему-то не становилось меньше. Хуже того — казалось, их было даже больше, чем в начале боя… По крайней мере в два раза больше… Они бежали со всех сторон. Это были новые тархистанцы! У них были копья! Их было столько, что Джил уже почти не видела своих друзей. Потом услышала голос Тириана:

— Назад! К камню!

Всё стало ясно — враги получили подкрепление. Барабан сделал своё дело.

Глава двенадцатая
Через дверь в хлев

Джил давно следовало отступить к белому камню, но, возбужденная зрелищем битвы, она совершенно забыла про этот приказ. Теперь же вспомнила и побежала и успела как раз за минуту до остальных. Вот как вышло, что на минуту все оказались к врагу спиной. А когда повернулись, ужасное зрелище предстало их глазам.

Один из тархистанцев тащил кого-то к хлеву, тот дрался и брыкался. Когда они оказались на освещённой поляне перед костром, их силуэты

четко вырисовались на фоне огня: один — в островерхом тюрбане, другой… Другой был Юстэс.

Едва увидев его, Тириан с единорогом бросились на выручку. Но они не пробежали и половины пути, как тархистанец был уже у хлева, швырнул туда Юстэса и захлопнул дверь. Следом подбежали несколько тархистанцев и выстроились шеренгой перед хлевом. Теперь к нему было не подступиться.

Джил уткнулась лицом в плечо. «Если я всё-таки разревусь, тетива не намокнет», — прошептала она.

— Берегитесь! Стрелы! — крикнул Поггин. Все быстро пригнулись и поглубже надвинули шлемы. Собаки припали к земле. Несколько стрел просвистело рядом, но вскоре стало ясно, что стреляют не в них. Это были снова Гриффл и его гномы. Теперь они спокойно стреляли в тархистанцев.

— Давайте, ребята! — слышался голос Гриффла. — Все вместе, дружно! Нам не нужны черномазые, как не нужны обезьяны, и львы, и короли. Гномы за гномов.

Что бы вы ни сказали о гномах, в храбрости им не откажешь. Они могли попросту убраться куда-нибудь в безопасное место, но предпочли

остаться и теперь убивали то тех, то других, делая перерыв, когда те и другие любезно избавляли их от хлопот и убивали друг друга сами.

Однако они не учли, что тархистанцы были в кольчугах, тогда как кони — беззащитны. Кроме того, у тархистанцев был вожак. Раздался громкий голос Ришды-тархана:

— Тридцать из вас пусть стерегут глупцов у белого камня. Остальные — за мной, проучим этих сыновей земли.

Тириан и его друзья не успели отдышаться после боя и были рады передышке. Они смотрели, как тархан повел своих людей на гномов. Это была странная сцена. Костёр теперь слабо горел тёмно-красным огнём, и трудно было понять, что происходит. На месте собрания никого не было видно, кроме гномов и тархистанцев. Судя по звукам, гномы отчаянно сопротивлялись. Тириан слышал, как Гриффл страшно ругается; время от времени доносились возгласы тархана: «Живьём! Живьём хватайте!» Каким бы ни был этот бой, длился он недолго. Шум стих. Потом Джил увидела, что тархан возвращается к хлеву; за ним шли одиннадцать человек и тащили одиннадцать связанных гномов (убили остальных или те разбежались, осталось неясным).

— Бросьте их в святилище Таш! — сказал Ришда-тархан.

И вот одиннадцать гномов, одного за другим, кого швырнули, кого запихали в тёмный проём. Дверь снова заперли, и Ришда, низко склонившись перед ней, провозгласил:

— Этих карликов, о владычица моя Таш, также приношу тебе в жертву всесожжения!

И все тархистанцы стали ударять саблями о щиты и взывать:

— Таш! Таш! Великая Таш! О, Таш неумолимая! (Весь вздор про Ташлана уже забыли.)

Небольшой отряд у белого камня наблюдал за происходящим. Они тихо перешёптывались между собой. Обнаружив ручеёк, тонкой струйкой стекавший из-под камня, все с жадностью напились из него: Джил, Поггин и король с ладони, а четвероногие — лакая из небольшой лужицы у подножия. Казалось, что никогда в жизни они не пили такой вкусной воды! Они пили и радовались и не могли думать ни о чём другом.

— Нутром чую, — сказал Поггин. — Утро не наступит, как все мы, один за другим, будем за этой чёрной дверью. Я могу придумать сотню смертей, и все лучше этой.

— В самом деле, эта дверь ужасна, — сказал

Тириан. — Она больше похожа на пасть.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — сказала Джил дрожащим голосом.

— Не горюй, мой славный друг, — отвечал Алмаз, ласково трогая её носом. — Быть может, для нас это дверь в страну Аслана и мы нынче же будем пировать за его столом.

…Ришда-тархан медленно вышел вперёд и повернулся к белому камню.

— Слушайте меня! — крикнул он. — Если кабан, собаки и единорог сдадутся на мою милость, я сохраню им жизнь. Кабана отправят в сады Тисрока и посадят там в клетку, собак — в конуры Тисрока. А единорогу я отпилю рог, и он будет возить повозку. Но орёл, дети и тот, кто был королём, будут принесены в жертву Таш этой ночью.

Лишь грозное рычание раздалось в ответ.

— Вперёд, воины! — сказал тархан. — Зверей убить, двуногих взять живьём.

Началась последняя битва последнего короля Нарнии.

Надежды на победу не было. Не только потому, что врагов было неизмеримо больше, но, главное, из-за их копий. У первых тархистанцев, тех, что были с Обезьяном вначале, копий не было: они проникали в Нарнию по одному, по двое,

выдавали себя за мирных торговцев и, конечно, не могли взять с собой копий — ведь их нелегко спрятать. Эти же тархистанцы явились позже, когда Обезьян уже вошёл в силу, и могли идти открыто. Копья всё меняли. Если быть проворным и не терять самообладания, длинным копьём можно убить кабана прежде, чем он достанет вас клыками, и единорога прежде, чем он пронзит вас рогом. И вот теперь ровный ряд копий надвигался на Тириана и его последних друзей. Через мгновение они уже бились за свою жизнь.

В некотором смысле это совсем не так плохо, как можно вообразить. Когда каждый ваш мускул в напряжении, когда вы то пригибаетесь, чтоб увернуться от копья, то прыгаете через него, ныряете вперёд, отскакиваете назад, крутитесь на месте — у вас просто не остаётся времени на страх или отчаяние. Тириан знал, что теперь он никому не может помочь — все они обречены. Он мельком видел то поверженного кабана, то яростного Алмаза. Краем глаза он заметил, что огромный тархистанец куда-то тащит Джил за волосы. Но думать об этом он не мог. Он думал лишь о том, как бы подороже продать свою жизнь.

Хуже всего было то, что он никак не мог сохранить свою позицию у белого камня. Когда

человек дерётся разом с полдюжиной врагов, он использует любую возможность поразить противника и стремительно бросается всякий раз, когда видит незащищённую грудь или шею. Несколько ударов — и вы уже очень далеко от прежнего места. Тириан вскоре обнаружил, что всё время отступает вправо, то есть к хлеву. Мелькнула мысль, что очень важно держаться от него подальше. Но он не мог вспомнить почему. И сделать ничего не мог.

Неожиданно всё стало очень отчетливым. Он увидел, что дерётся с самим тарханом. Костёр (вернее, уже одни угольев) был прямо перед ним. А за спиной — открытая дверь. Два тархистанца стояли наготове, чтобы захлопнуть её, как только он окажется внутри. Он вспомнил всё и понял, что враги специально теснили его к хлеву. Подумав об этом, он стал биться с тарханом изо всех сил.

Тут новая мысль пришла ему в голову. Он бросил меч, нырнул вперёд (ятаган просвистел у него над головой), схватил тархана за пояс и прыгнул в хлев с криком:

— Иди же и встреться с Таш сам!

Раздался оглушительный грохот. Как в тот раз, когда в хлев кинули Обезьяна, земля задрожала и что-то ослепительно вспыхнуло. Тархистан-

ские солдаты завопили: «Таш! Таш!» — и в ужасе захлопнули дверь: если Таш захотела получить самого командира, пусть получит. Они-то уж, во всяком случае, с Таш встречаться не хотели.

В первый момент Тириан не понимал, где он и даже кто он. Потом взял себя в руки и огляделся, моргая. В хлеву вовсе не было темно! Наоборот, там было очень светло, потому-то он и моргал.

Он повернулся к противнику, но тот на него не глядел. Ришда вперился во что-то взглядом и дико вскричал; потом закрыл лицо руками и упал ниц, лицом в землю. Тириан повернулся в ту сторону, куда смотрел тархан. И всё понял.

Ужасное существо приближалось к ним. Оно было меньше, чем тот призрак, который они видели у башни, хотя гораздо больше человека, и, несомненно, это был он же: с головой грифа и с четырьмя руками. Мертвящее карканье вырвалось из его клюва:

— Ты звал меня в Нарнию, Ришда-тархан. Я здесь. Что хочешь ты сказать?

Но тархан не поднял лица и не промолвил ни слова. Его трясло, словно от икоты. Он был храбрым воином, но половину своей храбрости потерял этой ночью, когда заподозрил, что в хлеву действительно Таш. Вторая половина по-

кинула его теперь.

Вдруг Таш нагнулась и, как курица хватает червяка, схватила в когти несчастного Ришду и зажала его под мышками правых рук. Затем повернула голову и уставилась на Тириана своим ужасным глазом: при птичьей голове она, конечно, не могла смотреть прямо.

Но тут за её спиной раздался голос, сильный и спокойный, как летнее море.

— Убирайся, чудовище, туда, где твоё место, и забери свою законную добычу. Во имя Аслана и его великого Отца, Заморского Императора!

Отвратительное создание исчезло с тарханом под мышкой. Тириан посмотрел, кто это говорит, и сердце его забилось так, как никогда не билось даже в бою.

Семь королей и королев стояли перед ним в коронах и блистающих одеждах. На королях поверх одежд были блестящие кольчуги, и в руках они держали обнажённые мечи.

Тириан учтиво поклонился и собирался заговорить, когда младшая из королев засмеялась. Он вгляделся в её лицо и онемел от изумления. Он её узнал: это была Джил. Но не та Джил, которую он видел последний раз — с грязным заплаканным лицом, в старом полотняном платьице, наполо-

вину сползшем с одного плеча. Теперь она была спокойной и свежей, такой свежей, словно только что вылезла из ванны.

Сперва он подумал, что она стала старше, потом решил, что нет, а впрочем, он так и не мог никогда решить этот вопрос. Потом он увидел, что младший из королей — Юстэс — изменился не меньше Джил.

Тириану вдруг стало неловко оттого, что он стоит перед этими людьми в крови, пыли и поту битвы. И тут он обнаружил, что тоже преобразился. Он был свеж, спокоен и чист и одет так нарядно, словно для большого пира в Кэр-Паравале. (Скажем к слову, что в Нарнии лучшая одежда совсем не обязательно самая неудобная. В Нарнии умеют делать её столь же удобной, сколь и прекрасной. А таких вещей, как крахмал, фланель или резинки, здесь и вовсе не сыщешь, хоть обойди всю страну от края до края.)

— Государь, — сказала Джил, выходя вперёд и делая изящный реверанс, — позвольте представить вас Питеру, Верховному Королю всех королей Нарнии.

Тириану не нужно было спрашивать, кто из них Верховный Король, — он помнил лицо, которое видел во сне (хотя теперь оно было гораздо бла-

городнее). Он вышел вперёд, преклонил колена и поцеловал Питеру руку.

— Верховный Король, — сказал он, — я рад вам.

И Верховный Король поднял его и поцеловал в обе щеки, как и следовало Верховному Королю. Потом подвёл его к старшей из королев — и даже она не была старой, ни одного седого волоска и ни одной морщинки на щеках — и сказал:

— Государь, это леди Полли, та, что была в Нарнии в Первый День, когда по воле Аслана выросли деревья и заговорили звери.

Потом подвёл его к человеку, чья золотая борода ниспадала на грудь и чьё лицо было преисполнено мудрости.

— Это лорд Дигори, — сказал он, — он был в Нарнии вместе с леди Полли. А это — мой брат, король Эдмунд, и моя сестра, королева Люси.

— Государь, — сказал Тириан, поприветствовав всех. — Если я верно читал в хрониках, здесь должна быть ещё одна королева. Разве у вашего величества не две сестры? Где же королева Сьюзен?

— Моя сестра Сьюзен, — отвечал Питер коротко и печально, — больше не друг Нарнии.

— Да, — сказал Юстэс, — и когда ты пытаешься

поговорить с ней о Нарнии или просишь сделать что-нибудь для Нарнии, она говорит: «Какая у вас удивительная память! Неужели вы до сих пор помните наши смешные детские игры?»

— Ох уж эта Сьюзен! — воскликнула Люси. — Её ничего не интересует, кроме нейлона, губной помады и приглашений. Она всегда была такая смешная, так старалась поскорей вырасти.

— Если бы вырасти! — сказала леди Полли. — Хотела бы я, чтоб она *действительно* выросла. Все школьные годы она мечтала стать такой, как сейчас, и проведёт всю остальную жизнь, пытаясь такой и остаться. Она хотела как можно быстрее достичь самого глупого возраста и оставаться в нём как можно дольше.

— Что ж, довольно об этом, — промолвил Питер. — Смотрите! Какие прекрасные плоды на деревьях! Давайте попробуем их.

Тириан в первый раз поглядел вокруг и поразился, до чего же удивительным было это приключение.

Глава тринадцатая
Как гномы не дали себя провести

Тириан думал — или думал бы, если б у него было время думать, — что они в маленьком, крытом соломой хлеву, футов двенадцать длиной и шесть шириной. На самом деле под ногами зеленела трава, над головами было высокое синее небо, и ветер ласково овевал их лица, как в начале лета. В небольшой рощице неподалёку шелестели листьями деревья и из-под каждого листочка выглядывало золото, нежная желтизна, пурпур или багрянец плодов, подобных которым никто

не видывал в нашем мире. Тириан подумал было, что сейчас осень, но воздух был такой особенный, каким он бывает не позднее июня.

Они направились к деревьям. Все потянулись к плодам, и все на секунду замерли. Плоды были так прекрасны, что каждый подумал: «Это не для меня… Конечно, нам нельзя их рвать».

— Всё в порядке, — сказал Питер. — Я знаю, о чём все мы сейчас думаем. Я уверен, совершенно уверен, что мы не должны так думать. У меня такое чувство, что мы попали в страну, где всё можно.

— Что ж, начнём! — предложил Юстэс.

На что походили эти плоды? К сожалению, описать их я не мог бы. Скажу только, что в сравнении с ними самый свежий грейпфрут — вялый, самый сочный апельсин — сухой, самый нежный персик — твёрдый и деревянный, а самая сладкая земляника — кислая. И нет в них ни зернышек, ни косточек, осы не вьются над ними. Попробуй вы хоть раз этот плод, и самая лучшая в мире еда покажется вам безвкусной. Как ещё рассказать о них? Вы поймёте, если попадёте в эту страну и попробуете сами.

Когда все паслись, Юстэс обратился к королю Питеру:

— Вы так и не сказали нам, как вы сюда попали. Ты как раз начал рассказывать, но тут появился король Тириан.

— Рассказывать, собственно, нечего, — сказал король Питер. — Мы с Эдмундом стояли на платформе и видели, как подходит ваш поезд. Я, помню, ещё подумал, что наши, наверное, в этом же поезде, хотя Люси не знает…

— Кто «ваши», Верховный Король? — спросил Тириан.

— Наши родители — Эдмунда, Люси и мои.

— А почему они тоже ехали? — удивилась Джил. — Ты хочешь сказать, они знают про Нарнию?

— Да нет, Нарния тут ни при чём. Они ехали в Бристоль. Я просто слышал, что они собираются ехать сегодня утром, а Эдмунд сказал, что тогда они поедут этим же поездом (он знает все расписания).

— И что же случилось? — спросила Джил.

— М-м, это нелегко описать, правда, Эдмунд? — сказал Верховный Король.

— Да уж… — согласился Эдмунд. — Совсем непохоже на прошлые разы. Тогда мы исчезали из нашего мира волшебством. А на этот раз что-то страшно заревело, что-то меня ударило, и при

этом больно не было. Я не то что испугался — взволновался, что ли. И ещё что странно. У меня здорово болела коленка — ссадина после регби. И вдруг всё прошло. Так мне легко стало! И вот — мы здесь.

— И с нами было то же, в вагоне, — сказал лорд Дигори, стирая сок с золотой бороды. — Ты чувствуешь, Полли, как легко, сколько сил, будто мы и не старики? Молодёжи этого не понять.

— Ну да, молодёжи! — воскликнула Джил. — Можно подумать, вы здесь старше нас!

— Именно, что здесь будто и не старше, но раньше-то были! — отвечала леди Полли.

— А что произошло, когда вы тут очутились? — спросил Юстэс.

— Довольно долго ничего не происходило, — сказал Питер, — по крайней мере мне показалось, что долго. Потом дверь открылась…

— Дверь? — переспросил Тириан.

— Да, — ответил Питер, — дверь, в которую вы вошли… или вышли? Вы уже забыли?

— Где же она?

— Смотрите, — сказал Питер и показал рукой. Тириан увидел самую странную и смешную вещь, какую только можно себе представить. Всего в нескольких шагах от него в ярком сол-

нечном свете стояла грубая деревянная дверь, и больше ничего, ни стен, ни крыши. Он растерянно подошёл к ней; остальные последовали за ним, посмотреть, что он будет делать. Он обошёл дверь. С другой стороны было то же самое — свежее летнее утро. Дверь просто стояла, сама по себе, словно выросла здесь, как дерево.

— Прекрасный сэр, — сказал Тириан Верховному Королю. — Это великое чудо.

— Это та дверь, через которую пять минут назад вы вошли с тархистанцем, — ответил, улыбаясь, Питер.

— Разве я вошёл в хлев не из леса? Похоже, эта дверь из ниоткуда в никуда.

— Она так выглядит, если ходить вокруг, — сказал Питер. — Загляните в щёлку между досками, поглядите сквозь неё.

Тириан заглянул в дырку и не увидел ничего, кроме темноты. Когда глаза его привыкли, он различил бледный свет потухающего костра и над ним, на чёрном небе, звёзды. Между костром и дверью темнели неясные очертания каких-то людей, он слышал их голоса — они говорили по-тархистански. Тириан смотрел через дверь хлева в темноту Фонарной Пустоши, туда, где разыгралась его последняя битва. Эти люди спо-

рили, стоит ли идти в хлев искать Ришду-тархана (при этом никому идти не хотелось) или поджечь хлев.

Тириан оглянулся и с трудом поверил своим глазам. Над ним было синее небо, зелёная трава расстилалась сколько хватало глаз, его новые друзья стояли вокруг и смеялись.

— Похоже, — сказал Тириан и тоже улыбнулся, — что хлев изнутри и хлев снаружи — два

разных места.

— Да, — сказал лорд Дигори. — Причём изнутри он больше, чем снаружи.

— Да, — сказала королева Люси. — Однажды и в нашем мире хлев вместил то, что больше целого мира.

До сих пор она молчала, и, оттого что голос её дрожал, Тириан понял почему. Она впитывала окружающее гораздо глубже остальных. Она была слишком счастлива, чтобы говорить. Ему хотелось ещё раз услышать её, и он попросил:

— Сделайте милость, сударыня, продолжайте. Поведайте нам всё приключение.

— После грохота и удара мы оказались здесь, — сказала Люси. — Мы заглянули в дверь, как и вы. За ней было темно. Потом дверь открылась в первый раз, и вошёл высокий человек с обнажённой саблей, в доспехах тархистанца. Он встал у двери, готовый зарубить всякого, кто войдет. Мы подошли к нему и заговорили, но он нас не увидел и не услышал. И он не смотрел вокруг — на небо, солнечный свет, траву. Я думаю, их он тоже не видел. Долго ничего не происходило. Потом мы услышали, как с другой стороны отодвигают засов; однако тархистанец не двигался и внимательно смотрел, кто заходит в дверь. Мы

предположили, что ему велено убивать одних и щадить других. Дверь отворилась. В ту же секунду явилась Таш, с нашей стороны, хотя никто из нас не видел, откуда она взялась. В дверь вошёл большой кот, он лишь разок взглянул на Таш и опрометью бросился прочь. И как раз вовремя — та уже пригнулась к нему, так что дверь, захлопываясь, стукнула её по клюву. Тархистанец тоже увидел Таш. Он побледнел и склонился перед чудовищем; но оно исчезло.

Потом мы опять долго ждали. Наконец дверь открылась в третий раз, и вошёл молодой тархистанец. Он понравился мне. Страж у двери очень удивился: я думаю, он ждал кого-то совсем другого…

— Я всё понял! — сказал Юстэс (у него была дурная привычка перебивать рассказчика). — Кот должен был войти первым, а часовой — его пропустить. Потом бы кот вышел и сказал, что видел их гнусного Ташлана, и притворялся бы страшно испуганным, чтоб остальных совсем запугать. Хитру и в голову не приходило, что явится настоящая Таш! Рыжий-то и вправду перепугался. Хитр хотел засылать внутрь самых неугодных, а часовой бы их убивал, и…

— Друг, — мягко прервал его Тириан, — позволь

продолжить даме.

— Ну вот, — сказала Люси, — часовой очень удивился, поэтому второй успел приготовиться к бою. Они сразились. Юноша убил часового и бросил за дверь. Потом медленно пошёл в нашу сторону. Он видел и нас, и всё остальное. Мы заговорили с ним, но он был как во сне и всё твердил: «Таш, Таш, где Таш? Я иду к ней». Мы не стали к нему приставать, и он ушёл куда-то туда. Он очень мне понравился. А потом… — Люси изменилась в лице.

— Потом, — сказал Эдмунд, — кто-то швырнул в дверь обезьяну. Снова появилась Таш. Простите, у моей сестры нежное сердце, и ей больно рассказывать, как Таш клюнула разок и от Обезьяна ничего не осталось!

— Поделом! — сказал Юстэс. — Надеюсь, Таш им подавилась.

— В следующие полчаса, — продолжал Эдмунд, — в дверь один за другим влетели гномы, за ними Юстэс и Джил и, наконец, вы сами.

— Надеюсь, Таш съела и гномов, — сказал Юстэс. — Маленькие свиньи.

— Нет, не съела, — возразила Люси, — не будь таким жестоким. Они здесь. Кстати, их отсюда видно. Я всё старалась с ними подружиться, но

не получается.

— Подружиться с ними! — вскричал Юстэс. — Ты бы видела, что эти гномы вытворяли!

— Ой, Юстэс, перестань, — сказала Люси. — Пойдем лучше к ним. Король Тириан, может, получится у вас?

— Сегодня мне трудно питать к гномам особую любовь, — сказал Тириан. — Но когда просите вы, леди, я готов и на большее.

Люси повела их вниз, и вскоре они увидели гномов. Вид у тех был престранный. Они не прогуливались, и не веселились (хотя вовсе не были связаны — верёвки куда-то исчезли), и не отдыхали, лёжа на траве. Они сидели тесным кружком, лицом друг к другу, не смотрели по сторонам и не обращали внимания на людей, пока Люси и Тириан не подошли совсем близко и не коснулись их. Тогда все гномы наклонили головы, словно ничего не видят, но внимательно прислушиваются, пытаясь понять по звукам, что происходит.

— Осторожно, — сказал один. — Соображайте, куда идёте. Ходят тут чуть не по головам.

— Ничего себе! — возмутился Юстэс. — Мы не слепые. У нас глаза есть.

— Уж больно острые у вас глаза, если вы тут

что-нибудь видите, — ответил тот же гном (его звали Диггл).

— Где «тут»? — спросил Эдмунд.

— Да здесь же, тупица, конечно, здесь, — сказал Диггл. — В этом тёмном, тесном, вонючем хлеву.

— Вы что, слепые? — удивился Тириан.

— В темноте все слепые! — огрызнулся Диггл.

— Здесь не темно, бедные глупые гномы, — сказала Люси, — разве вы не видите? Оглядитесь! Разве вы не видите небо, и деревья, и цветы? Разве вы не видите меня?

— Как, во имя всех обманов, могу я видеть то, чего здесь нет? Или видеть вас, или вы — меня в такой темноте?

— Но я вас вижу, — сказала Люси, — и могу это доказать. Сейчас, например, вы поднесли ко рту трубку.

— Любой понюхает и догадается, — отвечал Диггл.

— Ох, бедняжки! Это ужасно, — промолвила Люси. Потом она кое-что придумала: нагнулась и сорвала несколько фиалок.

— Слушайте, гномы, — сказала она, — если у вас что-то с глазами, может, носы в порядке — вы чувствуете запах? — Она поднесла свежие, влажные цветы к шишковатому носу Диггла и

тут же отпрыгнула, чтобы не получить по рукам маленьким крепким кулачком.

— Как ты смеешь! — завопил гном. — Чего ты суёшь мне в нос вонючую подстилку? Да тут ещё чертополох! Что за наглость! Кто вы такие!

— Сын земли, — сурово сказал Тириан, — это королева Люси, которую Аслан послал сюда из далёкой древности. Только ради неё я, Тириан, до сих пор не снёс вам головы, вероломные и дважды вероломные предатели!

— Это уж слишком! — воскликнул Диггл. — Неужели не надоело молоть вздор! Ваш замечательный Лев не пришёл и не помог, так? Думаю, так. И теперь, даже теперь, когда вас разбили, засунули в эту дыру, как всех нас, вы опять за старое! Опять враньё! Теперь мы должны поверить, что не в плену, не в темноте, и ещё невесть во что.

— Здесь нет темноты, она только в твоём воображении, глупец! — вскричал Тириан. — Выйди же из неё! — И, нагнувшись, он схватил Диггла за пояс и капюшон и вытащил из круга гномов. Но стоило Тириану его отпустить, как Диггл бросился на прежнее место, потирая нос и вопя:

— Ох-ох! Что вы такое делаете! Ударили меня о стенку, чуть нос мне не сломали.

— Ой-ё-ёй! — сказала Люси. — Чем мы можем

им помочь?

— Оставим их, — отвечал Юстэс.

И тут земля задрожала. Сладкий воздух стал ещё слаще, позади вспыхнул яркий свет. Все обернулись, Тириан — последним, потому что он боялся. Огромный, настоящий, золотой Лев, сам Аслан, упование его сердца, стоял перед ним, и все остальные уже преклонили колена вкруг его передних лап и зарылись лицами в его гриву, а он склонил большую голову и лизнул их.

Потом посмотрел на Тириана, и Тириан подошёл, дрожа, и упал к ногам Льва, и Лев поцеловал его и сказал:

— Благо тебе, последний король Нарнии, ты стоял твёрдо в самый чёрный час.

— Аслан, — сказала Люси сквозь слёзы. — Ты можешь… ты сделаешь что-нибудь для этих бедных гномов?

— Милая, — отвечал Аслан. — Я покажу тебе, что могу и чего не могу.

Он подошёл к гномам и протяжно зарычал — негромко, но от его рыка задрожал воздух. А гномы сказали один другому:

— Слышали? Опять эта шайка, с того конца хлева. Напугать нас решили. Они это делают какой-нибудь машиной. Не обращайте внимания.

Нас больше не проведёшь!

Аслан поднял голову и тряхнул гривой. В то же мгновение роскошные кушанья оказались на коленях у гномов: пироги, мясо и птица, пирожные и мороженое; и у каждого гнома в правой руке — кубок доброго вина. Увы, и это не помогло. Гномы жадно накинулись на еду, но совершенно не почувствовали её вкуса. Они ведь думали, что нашли её в хлеву. Поэтому один сказал, что пытается есть сено, другой — что нашёл старую редьку, третий — сухой капустный лист. Они подносили к губам золотые кубки с красным вином и говорили: «Фу, пить грязную воду из ослиной поилки! Кто думал, что мы до такого докатимся».

Очень скоро каждый гном заподозрил, что другой нашёл что-нибудь получше, и кинулся отнимать; они перессорились и передрались, размазали прекрасную еду по лицам, по одежде, растоптали ногами. Когда все наконец расселись по местам, потирая синяки и разбитые носы, то сказали:

— Ничего, по крайней мере тут всё без обмана. Мы не дали себя провести. Гномы за гномов.

— Вот видите, — сказал Аслан. — Они не дадут себе помочь. Они выбрали выдумку вместо веры. Их тюрьма — в их воображении, но они — в тюрьме. Я не могу вывести их наружу, потому что они слишком много думают о том, чтоб не дать себя провести. Что ж, идёмте, дети. Меня ждет другая работа.

Он подошёл к Двери — все пошли за ним — поднял голову и прорычал: «Пришло время!» — потом громче: «Время!» — потом так громко, что задрожали звёзды: «ВРЕМЯ!» Дверь распахнулась.

Глава четырнадцатая
В Нарнии наступает ночь

Они стояли рядом с Асланом, справа от него, и смотрели в открытую Дверь.

Костёр потух, землю окутал мрак. Никто не догадался бы, что впереди — лес, если б верхушки деревьев не вырисовывались чёрными силуэтами на фоне звёздного неба. Когда Аслан зарычал снова, они увидели чёрную тень. С левого края небес она покрыла звёзды и росла, росла, пока не приняла очертания огромного человека, величайшего из великанов. Дети хорошо знали Нарнию и поняли, где он стоит. Он стоял на высокой вересковой равнине, которая простиралась к

северу за рекой Шрибл. Джил и Юстэс вспомнили, как в давние времена в глубоких пещерах под этой равниной они видели спящего великана и слышали, что его зовут Отец Время и он проснётся в тот день, когда кончится мир.

— Да, — сказал Аслан, хотя они не проронили ни слова. — Пока он спал, его звали Время. Теперь, когда он проснулся, он получит новое имя.

Тёмный силуэт на фоне звёзд изменился — великан поднёс к губам рог. И чуть позже (звук распространяется медленней) они услышали голос рога, пугающий и высокий, полный странной и страшной красоты.

В то же мгновение небо наполнилось падающими звёздами. Даже если падает одна звезда, это очень красиво, а здесь их были десятки, сотни, и вот они полились нескончаемым серебряным дождём. Через некоторое время они увидели ещё одну чёрную тень прямо над головой, на самой кровле неба. «Может, это облако», — подумал Эдмунд. Звёзд там не было, одна чернота, однако вокруг продолжался звёздный ливень. Беззвёздное пятно расползалось все шире, шире, пока не почернела четверть неба, потом половина, и, наконец, звёзды падали лишь у самого горизонта.

Дрожа от удивления (и немного от страха), они

вдруг поняли, что произошло. Это вовсе не облако росло над ними, это была пустота. На чёрном небе больше не было звёзд. Все звёзды упали, Аслан позвал их домой.

Поразительнее всего были последние минуты, когда звёзды стали падать рядом с ними. Это не были огромные раскалённые шары, как в нашем мире. Тяжёлыми каплями падали блистающие люди (Эдмунд и Люси когда-то уже встречали человека-звезду). Их длинные волосы были подобны расплавленному серебру, копья — раскалённому добела металлу. Они стремительно летели вниз из чёрного воздуха, быстрее брошенного камня, и приземлялись с громким шипением, и трава загоралась под их ногами. Звёзды плавно обходили детей и вставали где-то сзади, немного правее.

Теперь, когда на небе не осталось звёзд, наступила бы полная темнота, но этого не случилось — толпа звёзд изливала ослепительный белый свет. Бескрайние нарнийские леса, расстилавшиеся на много миль, словно осветил прожектор. Каждое деревце, чуть не каждый кустик травы отбрасывали чёткую чёрную тень. Каждый листочек был очерчен так резко, что казалось, им можно порезаться.

А на траве перед ними лежали их тени, и самая большая, огромная, страшная — тень Аслана. Она стлалась далеко влево, под небом, на котором никогда больше не будет звёзд.

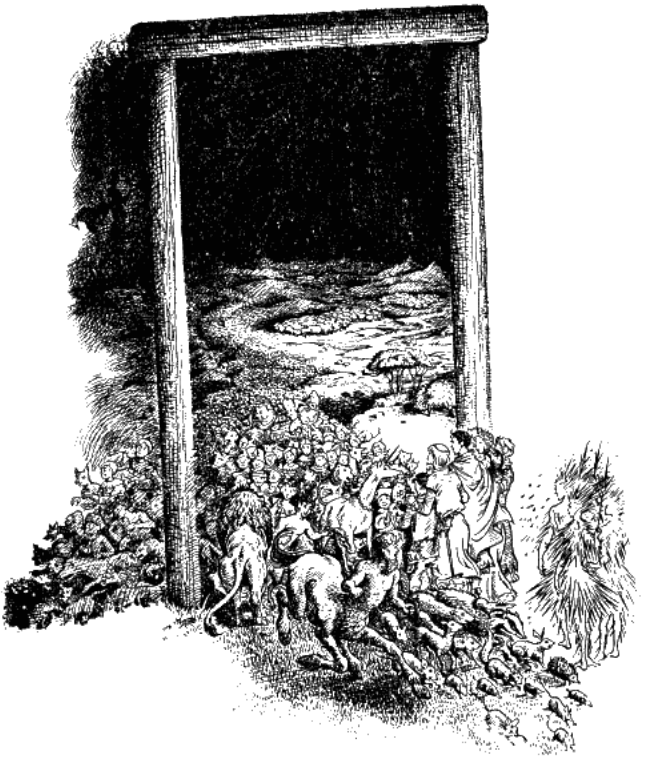
Звёзды стояли позади и сияли так ярко, что осветили даже склоны северных земель. Оттуда в Нарнию ползли огромные существа: драконы, гигантские ящеры и беспёрые птицы с крыльями летучих мышей. Они исчезли в лесах, и на несколько минут воцарилась тишина. Потом, сначала — очень далеко, раздались стенания и вопли, и вот — со всех сторон — шорох, топот, шум крыльев, всё ближе, ближе, уже можно было различить топот маленьких ножек и шлёпанье больших лап, цокот маленьких копыт и грохот огромных копытищ: показались тысячи мерцающих глаз. И наконец, из-под деревьев опрометью выбежали тысячи, миллионы всевозможных созданий — говорящие звери, гномы, фавны, сатиры, великаны, тархистанцы, жители Орландии, однотопы и странные, сверхъестественные существа с далёких островов и неизвестных западных земель. Все они бежали в Дверь, к Аслану.

Эта часть приключения походила на сон, и её потом трудно было восстановить в памяти. Например, никто не мог потом сказать, как долго

это продолжалось — то ли несколько минут, то ли прошли годы. Наверное, если бы Дверь не выросла во много раз или не уменьшились бы звери до размера насекомых, такой огромной толпе ни за что бы в неё не войти. Но в тот момент никто не думал о таких вещах.

Существа бежали быстро, и, чем ближе они подбегали к звёздам, тем ярче горели их глаза. Но, оказавшись перед Асланом, каждый замирал и глядел прямо на него (и я не думаю, что они могли бы не смотреть, даже если хотели), и с каждым происходило одно из двух. У некоторых лица менялись поразительно: их искажали страх и ненависть, но — лишь на долю секунды. Внезапно они, прямо на глазах, переставали быть *говорящими*. Они становились просто обычными животными. И все, кто так глядел на Аслана, шли направо (влево от него) и исчезали в его огромной чёрной тени — она, как вы помните, простиралась слева от Двери. Больше дети их не видели. Другие же глядели в лицо Аслану с любовью, хотя многие при этом ужасно боялись. И все они проходили в Дверь, справа от Аслана. Между ними попадались странные существа. Юстэс даже заметил одного из тех гномов, которые стреляли в коней. Но удивляться было

некогда (впрочем, это его и не касалось), потому что великая радость вытеснила всё остальное. Между счастливыми созданиями, толпившимися теперь вокруг Тириана и его друзей, были все, кого они считали погибшими. Здесь были кентавр Руномудр и единорог Алмаз, славный медведь и славный кабан, и орёл Дальнозор, и славные собаки, и кони, и гном Поггин.

— Дальше вглубь, дальше вверх! — вскричал Руномудр, и его копыта загрохотали на запад. Остальные не поняли его, но очень разволновались. Кабан приветствовал друзей хрюканьем.

Медведь проворчал было, что ничего не понимает, как вдруг заметил позади фруктовые деревья и торопливо заковылял к ним. Здесь, без сомнения, он нашёл кое-что совершенно понятное. Псы остались, виляя хвостами, и Поггин остался, и пожимал всем руки, и улыбался во весь свой честный рот. Алмаз склонил королю на плечо белоснежную голову, а король что-то шептал Алмазу на ухо. Потом все снова обратили взоры за Дверь.

В Нарнии теперь хозяйничали одни драконы и ящеры. Они бродили туда-сюда, вырывали с корнями деревья и ломали их, словно стебли ревеня. В считаные минуты лес исчез, страна сделалась голой, стали видны все неровности, все эти пригорки и лощинки, незаметные прежде. Трава исчезла. Тириан с удивлением смотрел на мир голых скал, голой земли. Трудно было поверить, что когда-либо здесь что-то жило и росло. А чудища старились, ложились на землю, умирали; мясо их высыхало, съёживалось. Вскоре остались лишь огромные скелеты среди мёртвых скал, словно все это произошло тысячи лет назад. Долго всё оставалось в безмолвии.

И вдруг что-то белое — длинная, ровная, белая полоса, блеснувшая в свете звёзд, двинулась к

ним с восточного края земли. Неведомый звук широкой волной разорвал тишину: сначала будто шёпот, потом шум, потом рёв. Это была стена бурлящей воды. Поднялось море. На открытой, как пустыня, земле всё было хорошо видно. Видно, как разливаются реки, как озёра становятся шире, сливаются в одно, долины превращаются в новые озёра, а холмы — в острова и острова эти исчезают. И вересковые пустоши слева от них, и высочайшие горы справа от них с грохотом и плеском осыпались, сползли в бушующие волны; вода бурля подошла к самому порогу Двери, но не проникла за него и теперь пенилась у самых передних лап Аслана. И вот от порога, где они стояли, сколько хватало глаз простёрлась ровная гладь воды до самого горизонта, где она сливалась с небом.

Вдруг там блеснула полоска печальной и зловещей зари; она росла над водой, становилась ярче и светлее, и вот они уже перестали различать свет стоящих за ними звёзд. Наконец взошло солнце. Увидев его, лорд Дигори и леди Полли тихонько кивнули друг другу. Однажды, в другом мире, у них на глазах умерло солнце, поэтому они сразу поняли, что и это солнце умирает. Оно было втрое — нет, в двадцать раз больше обычного и

тёмно-тёмно-красное. Лучи его упали на гиганта Время, и он тоже сделался красным, и всё пространство безбрежных вод сделалось как кровь.

Взошла луна, совсем не там, где положено, очень близко от солнца, и тоже казалась красной. Языки пламени потянулись к ней от солнца, словно змеи или усы багрового огня. Солнце было как спрут, оно будто пыталось притянуть к себе луну огненными щупальцами. Наверное, оно и притянуло: луна двинулась, сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, пока языки пламени не сомкнулись вокруг неё и не стали огромным шаром, подобным горящему углю. Громадный кусок огня отвалился от него и упал в море; облако пара поднялось вверх.

И Аслан сказал:

— Пусть наступит конец.

Гигант бросил рог в море. Потом протянул руку — она казалась совсем чёрной и тянулась на тысячи миль, через всё небо, пока не дотянулась до солнца. Он взял солнце и сжал его, как апельсин. И тут же наступила полная тьма.

Все, кроме Аслана, отпрыгнули назад, словно ошпаренные резким студёным ветром. Края Двери покрылись льдом.

— Питер, Верховный Король Нарнии, — сказал

Аслан, — закрой Дверь.

Дрожа от холода, Питер наклонился в темноту и потянул Дверь. Она заскрипела по льду. Потом довольно неловко (потому что за несколько секунд руки его посинели и онемели) он вынул золотой ключ и запер её.

Всё, что они видели за Дверью, было удивительным. Но ещё удивительнее было увидеть тёплый дневной свет, голубое небо, цветы под ногами и смех в глазах Аслана.

Он быстро обернулся, припал к земле, хлестнул себя хвостом и бросился вперёд, на запад, как золотая стрела.

— Дальше вверх! Дальше вглубь! — крикнул он через плечо. Но разве мог кто-то за ним угнаться? И они потихоньку направились следом.

— Итак, — сказал Питер, — ночь пала на Нарнию. Люси, ты *плачешь*? Когда мы все здесь и Аслан ведёт нас?

— Не останавливай меня, Питер, — отвечала Люси. — Аслан не стал бы. Я знаю, я уверена, тут нет ничего дурного — оплакивать Нарнию. Подумай о всех, кто остался там, мёртвый, замёрзший, за этой Дверью.

— Я надеялась всей душой, — сказала Джил, — что она будет всегда. *Наш* мир не может. Я думала,

Нарния может.

— Я видел её рождение, — промолвил лорд Дигори. — Не думал, что доживу и увижу её смерть.

— Государи, — сказал Тириан, — леди правы, что плачут. Я плачу и сам. Я видел, как умирала моя мать. Какой мир, кроме Нарнии, я знал? Не стойкостью, но великой неучтивостью было бы не оплакать её.

Они пошли прочь от Двери, от гномов, всё ещё сидевших кружком в своем воображаемом хлеву. Они шли, говорили о старых войнах, о днях мира, о древних королях и всей славе Нарнии.

Псы бежали рядом, но говорили мало — нужно было всё обнюхать. Они бегали кругами взад-вперёд и нюхали, нюхали, пока не начали чихать. Вдруг что-то их взволновало, и они заспорили: «Да, это он». — «Нет, не он». — «Я об этом и говорил — каждый почует». — «Убери-ка нос, дай я понюхаю».

— Что там, двоюродные братья мои? — спросил Питер.

— Тархистанец, государь, — в один голос залаяли псы.

— Где же? Покажите! — сказал Питер. — Как бы он ни встретил нас, мы будем ему рады.

Псы бросились вперёд, потом примчались на-

зад, причём так быстро, будто от этого зависит их жизнь, и с громким лаем сообщили, что это действительно тархистанец. (Говорящие псы, совсем как обычные, ведут себя так, словно всё, что они делают, невероятно значительно.)

Друзья последовали за псами. Молодой тархистанец сидел под каштанами у чистого ручья. Это был Эмет. Он тут же встал и церемонно поклонился.

— Сударь, — сказал он Питеру, — я не знаю, друг вы мне или враг, но и то и другое — честь для меня. Разве не сказал поэт, что доблестный друг — величайший дар, а доблестный враг — дар не меньший?

— Сударь, — отвечал Питер, — есть ли нужда нам враждовать?

— Расскажите, кто вы и что с вами случилось, — попросила Люси.

— Наверное, это долгий рассказ, давайте попьём и присядем, — пролаяли псы. — Мы совершенно выдохлись.

— Ещё бы, мчались всю дорогу сломя голову, — сказал Юстэс.

Итак, люди уселись на землю, а собаки с шумом напились из ручья и тоже уселись, часто дыша и свесив языки. Алмаз остался стоять, полируя рог

о белую шкуру.

Глава пятнадцатая
Дальше вверх и дальше вглубь

— Знайте, о доблестные короли, — сказал

Эмет, — и вы, о леди, чья красота озаряет вселенную: я — Эмет, седьмой сын Харфы-тархана из города Ташбаан, что к западу от пустыни. Я пришёл в Нарнию позже многих, отряд наш в двунадесять и девять копий вел Ришда-тархан. Услышав впервые, что поход наш на Нарнию, я возликовал, ибо много слышал о вашей стране и жаждал встретиться с вами в битве. Но едва я узнал, что мы должны вырядиться торговцами (какой позор воину и сыну тархана!), что мы должны лгать и хитрить, радость покинула меня. Но худшее было впереди — нам велели прислуживать обезьяне. Обезьяна же объявила, что Аслан и Таш — одно, и мир потемнел в моих очах. Ибо с детства моего я служил Таш с великим желанием познать её глубже и, быть может, когда-нибудь взглянуть ей в лицо. Но имя Аслана было мне ненавистно.

Вы видели, нас собирали перед лачугой с соломенной крышей, ночь за ночью, и разжигали огонь, и Обезьян выводил из лачуги кого-то на четырёх ногах, но разглядеть его я не мог. Все люди и все звери кланялись ему и воздавали почести. Мне казалось, что Обезьян обманул Ришду, ибо то, что выходило из хлева, не было ни Таш, ни каким другим богом. Я стал внимательно

наблюдать за тарханом и слушать каждое его слово и понял, что он тоже не верит. Он верил в Таш не больше Обезьяна, ибо если б он верил, как посмел бы насмехаться над ней?

Когда глаза мои открылись, великий гнев обуял меня. Я дивился, почему истинная Таш не поразит нечестивцев небесным огнём. Я собрал свою волю, я спрятал свой гнев и сдержал свой язык и ждал, чем всё это кончится. Однако прошлой ночью Обезьян не вывел жёлтое существо. Он сказал: кто хочет взглянуть на Ташлана (так они соединили эти два имени, будто они — одно), те должны по одному войти в лачугу. И я сказал себе: «Несомненно, это новый обман». Когда кот зашёл и выскочил, безумный от страха, я снова сказал себе: «Воистину, Таш явилась. Они позвали её без веденья и веры, и вот она среди нас и отомстит за себя». И хотя сердце моё от ужаса перед величием Таш ослабело, желание моё было превыше страха, и я унял дрожь, сжал зубы и решился взглянуть в лицо Таш, хотя бы это и стоило мне жизни. Я вызвался войти в хлев, и тархан, хоть и против воли, пустил меня.

О чудо! Ступив за дверь, я увидел ясный солнечный свет, как сейчас, хотя снаружи все казалось черно. Но дивился я не более мгновения, ибо

тут же пришлось защищаться против одного из наших людей. Едва я увидел его, замысел тархана и обезьяны стал мне ясен: его поставили здесь убивать всякого, кто войдёт, если это будет не посвященный в их тайну. Значит, человек этот тоже лжец и насмешник и не слуга Таш, и я с великой охотой сразил негодяя и выбросил его тело за дверь.

Я посмотрел вокруг и увидел небо и просторные земли. Сладостное благоухание коснулось меня, и я сказал: «Клянусь богами, это дивное место. Наверное, я в стране Таш». И я пошёл искать её в этом удивительном краю.

Так я шёл среди трав и цветов и благоуханных деревьев, как вдруг на узкой тропинке меж скал навстречу мне выпрыгнул огромный Лев, быстротою подобный страусу. Он был велик, как слон, с гривой, как чистое золото, и, как золото, расплавленное в печи, сверкали его глаза. Он был страшнее, чем огнедышащая гора Лагур, и красота его превосходила всё в этом мире, как роза перед прахом пустыни. Я пал к его ногам с единственной мыслью: «Пришел мой последний час, ибо Лев, достойный всяческих почестей, узнает, что я всю жизнь служил Таш, а не ему. И всё-таки лучше видеть Льва и умереть, чем быть

Тисроком всего мира и не видеть его». Но Славный коснулся языком моего лба, склонив золотую голову, и сказал: «Радуйся, сын». Я же ответил: «Увы, повелитель, я не сын тебе, но слуга Таш». И он сказал мне: «Дитя, всё, что ты сделал для Таш, я зачту в службу мне». Тогда ради моей великой мечты о мудрости и знании я преодолел свой страх и спросил Славного, и сказал: «Владыка, правду ли говорил Обезьян, что ты и Таш — одно?» Лев зарычал так, что земля содрогнулась, но гневался он не на меня и сказал: «Это ложь. И не потому я принял твоё служение, что мы — одно, а потому, что мы — противоположны; я и она столь различны, что если служение мерзко, оно не может быть мне, а если служение не мерзко — не может быть ей. Итак, если кто-то клянётся именем Таш и держит клятву правды ради, мной он клянётся не ведая, и я вознагражу его. Если же кто совершит злое во имя моё, пусть говорит он: «Аслан», — Таш он служит и Таш примет его служение. Понял ли ты, дитя?» И я ответил: «Владыка, тебе ведомо, сколько я понял». И ещё я сказал, как побуждала меня истина: «Я ведь искал Таш во все дни мои». «Возлюбленный сын мой, — сказал мне Славный, — если б не ко мне ты стремился, ты не искал бы так долго и верно.

Каждый находит то, что ищет *на самом деле*».

И он дохнул на меня, и снял дрожь с моего тела, и принудил меня подняться на ноги. А потом сказал, что мы встретимся скоро, велел мне идти дальше вверх и дальше вглубь и, как вихрь, как золотой ураган, умчался прочь. С тех пор, о короли и леди, я бреду в поисках его, и блаженство

моё так велико, что ослабляет меня, подобно ране. Это величайшее чудо, что он назвал меня возлюбленным, меня, который был как пёс…

— А? Что? — спросил один из псов.

— Сударь, — ответил Эмет, — это оборот речи, принятый у нас в Тархистане.

— Что-то мне не нравится такой оборот, — заметил пёс.

— Он не хотел сказать ничего плохого, — вмешался старший пёс. — В конце концов, мы зовём своих щенков мальчишками, когда они плохо себя ведут.

— Точно, — согласился первый пёс, — или девчонками.

— Ш-ш, — сказал старший пёс. — Это нехорошее слово, не забывай, где находишься.

— Смотрите! — неожиданно воскликнула Джил. К ним робко приближалось приятное четвероногое создание серебристо-серого цвета. Они секунд десять смотрели на него, прежде чем пять или шесть голосов разом воскликнули: «Да это же старина Лопух!» Они никогда не видели его при дневном свете без львиной шкуры, и узнать его было трудно. Он стал самим собой — замечательным осликом с мягкой серой шёрсткой и милой и честной мордой, и если б вы его увидели,

то сделали бы то же, что Люси и Джил: бросились к нему, обняли, поцеловали в нос и погладили бы его уши.

Они спросили, где он был. Он рассказал, как

вошёл в Дверь вместе со всеми, но держался поодаль, главное же — подальше от Аслана. Увидев настоящего Льва, он так устыдился всей этой чепухи с переодеванием, что не смел в глаза никому взглянуть. Но когда все его друзья отправились на запад, он пощипал травки («В жизни не пробовал такой вкусной травки», — сказал Лопух), набрался смелости и пошёл за ними.

— Что же делать, если я и вправду встречусь с Асланом? Честное слово, не знаю! — добавил он.

— Когда вправду встретишься, всё будет хорошо, вот увидишь, — заверила его Люси.

И все пошли вперёд, к западу, потому что им казалось, что именно туда позвал Аслан, когда крикнул: «Дальше вверх и дальше вглубь!» Множество других существ шли потихоньку туда же, и никому не было тесно на широкой равнине среди трав.

По-прежнему казалось, что очень рано и воздух по-утреннему свеж. Иногда они останавливались, смотрели вокруг — и потому, что было уж очень красиво, и потому ещё, что чего-то никак не могли понять.

— Питер, — сказала Люси, — как ты думаешь, где мы?

— Не знаю, — сказал Верховный Король. — Что-

то мне это напоминает, только название забыл. Может, мы тут были на каникулах, совсем маленькими?

— Отличные, наверное, были каникулы, — заметил Юстэс. — Готов поспорить, такой страны в нашем мире нет. Смотрите, какие цвета! Такой синевы у нас не бывает.

— А это не страна Аслана? — спросил Тириан.

— Та, что на вершине горы за восточным краем света? Непохоже, — сказала Джил. — Там я была.

— Мне лично кажется, — сказал Эдмунд, — она похожа на что-то в Нарнии. Поглядите, эти горы впереди и снежные вершины за ними — правда, похожи на те горы, что мы видели из Нарнии?

— Похожи, — согласился Питер, — только больше.

— А по-моему, не очень, всё-таки не как в Нарнии… — сказала Люси. — Хотя… глядите! — Все остановились и посмотрели, куда она показывает. — Эти холмы, зелёные, а за ними голубые — совсем как на юге Нарнии.

— Точно! — вскричал Эдмунд. — Удивительно похожи. Смотрите, это гора с двойной вершиной, а вон там — перевал в Орландию.

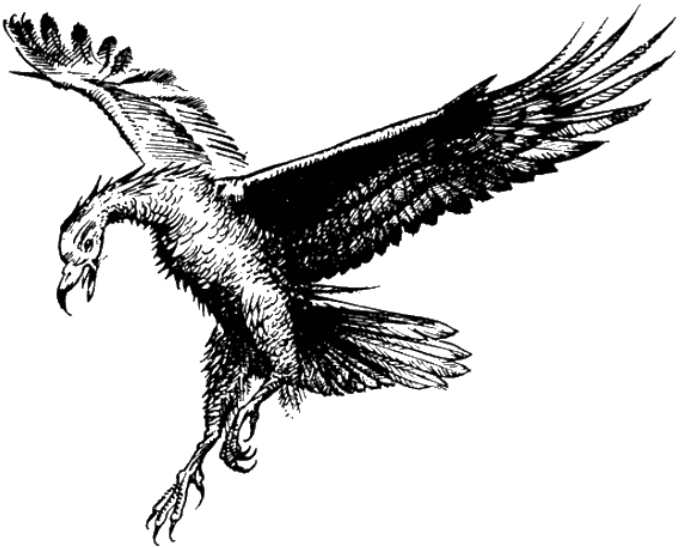
— Нет, всё-таки не похожи, — сказала Люси. — Они ярче и дальше и больше походят… ой, не

знаю.

— Больше походят на настоящие, — мягко подсказал лорд Дигори.

Неожиданно орёл Дальнозор расправил крылья, взмыл в воздух и, сделав круг, опустился на землю.

— Ваши величества! — вскричал он. — Мы все ослепли. Мы только начинаем понимать, где мы. Сверху я видел всё — Этинсмур, Биверсдам у Бобровой плотины, Великую реку. И Кэр-Параваль, как прежде, сияет на берегу Восточного моря. Нарния не умирала. Это Нарния.

— Как же так? — удивился Питер. — Аслан сказал, что мы никогда не вернёмся в Нарнию.

— Мы ведь сами видели — она умерла и солнце погасло, — сказал Юстэс.

— И всё здесь не такое, — добавила Люси.

— Орёл прав, — сказал лорд Дигори. — Знаешь, Питер, когда Аслан сказал, что вы не вернётесь в Нарнию, он говорил про ту Нарнию, а она была не настоящая. Понимаешь, у той Нарнии было начало и конец, она была лишь тенью, лишь

оттиском настоящей Нарнии, этой, которая была всегда и будет вечно. Ведь и наш мир — Англия и всё остальное — тоже тень или оттиск чего-то в настоящем мире. Тебе не было нужды оплакивать Нарнию, Люси. Всё самое важное в старой Нарнии, все дорогие создания — всё взято через Дверь в настоящую Нарнию. Они, конечно, стали немножко иными; ведь настоящая вещь отличается от своей тени, как жизнь — от сна.

Эти слова и голос его потрясли их, как звук трубы; а потом он тихо прибавил, как бы про себя: «Всё это есть у Платона, всё у Платона… Боже мой, чему их только учат в этих школах!» — и старшие дети рассмеялись. В другом мире, давным-давно, когда борода его была не золотой, а седой, они слышали от него эти самые слова. Лорд Дигори понял, отчего они смеются, и рассмеялся сам. Но скоро все вновь стали серьёзными, потому что, вы знаете, от такого удивительного счастья делаешься серьёзным. Оно слишком прекрасно, даже для шутки.

Трудно объяснить, как сильно отличалась от Нарнии эта залитая солнцем страна, так же, как трудно было описать вкус плодов. Попробую объяснить. Представьте себе, что вы в комнате, окно которой выходит на чудесный морской

залив или на зелёную речную долину, а на противоположной стене висит зеркало. Когда вы отворачиваетесь от окна, вы видите в зеркале и море и долину; в каком-то смысле они те же самые и в то же время другие — глубже, удивительнее, словно отрывок из повести, которую вы никогда не читали, но очень хотите узнать. Вот так отличалась старая Нарния от новой. Новая была гораздо весомей: каждый камень, цветок или кустик травы казался как-то значительнее. Я не могу описать этого лучше; если вы окажетесь там, вы поймёте, что я имею в виду.

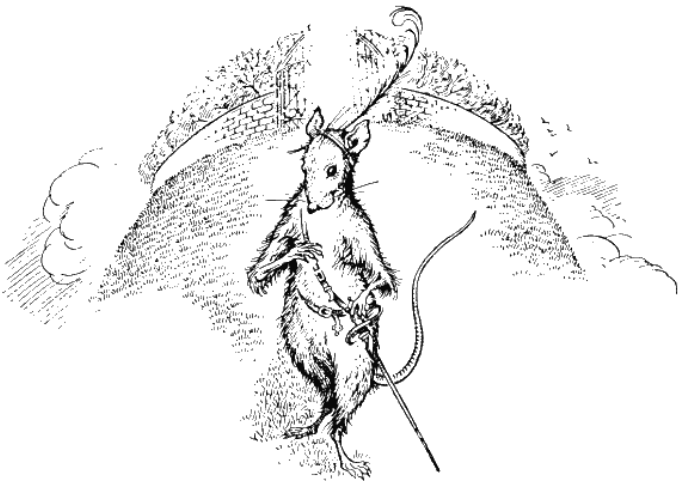
Единорог выразил то, что все чувствовали. Он ударил копытом оземь, заржал и воскликнул:

— Наконец-то я дома! Вот моя настоящая родина! Эту страну я искал всю жизнь, хоть и не знал о ней прежде! Мы любили нашу Нарнию только за то, что иногда она походила на эту. Го-го-го! Дальше вверх, дальше вглубь!

Он тряхнул гривой и понёсся вперёд — галопом единорога, и в нашем мире мгновенно скрылся бы из глаз. А тут случилась очень странная вещь. Все побежали за ним и с изумлением обнаружили, что не отстают. Да, да! — не только люди и псы, но даже маленький толстый Лопух и коротконогий гном Поггин. Ветер бил в лицо, словно

они мчались в открытой машине; земля убегала назад, как за окном скорого поезда. Они бежали все быстрее и быстрее, но никто не устал и никто не задохся.

Глава шестнадцатая
Прощай, страна теней

Если бы вы могли бежать без устали, не думаю, чтоб вам захотелось чего-нибудь иного, разве что какая особая причина вас остановила. Особая причина и понудила Юстэса воскликнуть:

— Эй! Стойте! Смотрите, куда мы бежим!

Перед ними лежал Каменный Котёл, за Котлом — высокие неприступные обрывы, и с обрывов,

сверкая на солнце, словно поток алмазов, тёмно-зелёные в тени, непрерывно низвергались тысячами тонн воды Великого Водопада; и грохот его уже достиг их ушей.

— Не останавливайтесь! Дальше вверх, дальше вглубь! — крикнул Дальнозор, взмывая ввысь.

— Ему-то хорошо, — сказал Юстэс, но Алмаз тоже воскликнул:

— Не останавливайтесь! Дальше вверх и дальше вглубь! Это совсем легко!

Его голос ещё звучал в рёве водопада, как он уже нырнул в Котёл. И остальные один за другим с громкими всплесками попрыгали в приятную пенистую прохладу. Вода оказалась вовсе не такой холодной, как все (особенно Лопух) ждали. Они обнаружили, что плывут прямо к водопаду.

— Это полное безумие, — сказал Юстэс Эдмунду.

— Конечно. И всё же… — сказал Эдмунд.

— Разве неудивительно? — сказала Люси. — Вы заметили — совсем невозможно испугаться, даже если хочется!

Юстэс попытался.

— Ну и дела! И впрямь не получается, — сказал он.

Алмаз первым подплыл к подножию водопада,

и Тириан ненамного отставал от него. Джил плыла последней, и потому ей всё было видно. Прямо по поверхности водопада поднималось что-то белое. Она пригляделась: это был единорог. Трудно сказать, плыл он или карабкался — вверх, всё выше и выше. Остриём рога он рассекал воду над головой, и она радужными струями падала ему на лопатки. Следом король Тириан размахивал руками и ногами, будто плыл, но плыл прямо вверх, как если бы можно было плыть по стене.

Смешнее всего выглядели псы. Они совсем не задохлись, пока бежали, а теперь, карабкаясь вверх, беспрерывно фыркали и отплёвывались, потому что не могли удержаться и не лаять, но стоило им залаять, как в рот и нос тут же заливалась вода. Джил не успела опомниться, как сама уже взбиралась по водопаду. Вот чего совершенно невозможно проделать в нашем мире — даже если не захлебнёшься, могучий поток разобьёт тебя в лепёшку об острые камни. А в этом мире — можно, здесь вы могли бы взбираться всё выше и выше, лучи света блистали бы на воде всеми цветами радуги, разноцветные камни сверкали сквозь поток, пока вам не показалось бы, что вы взлетаете по лучам света так высоко, что можно испугаться, но испугаться невозможно — здесь

нет ничего, кроме радости и восторга. И наконец, достигнув плавного зелёного перегиба, где вода переливалась через уступ, вы оказываетесь в реке над водопадом. Течение такое сильное, просто сметает, но вы, как отличный пловец, легко плывёте наперерез.

Вскоре все были на берегу, мокрые, счастливые. Широкая долина открылась впереди, и снежные горы стали теперь гораздо ближе.

— Дальше вверх и дальше вглубь! — воскликнул Алмаз, и они тут же понеслись дальше.

Они покинули пределы Нарнии и оказались в Западных Дебрях, где ни Тириан, ни Питер, ни даже орёл раньше не бывали. Здесь бывали лорд Дигори и леди Полли. «Ты помнишь? — говорили они. — Помнишь?»; и голос их был ровен, они не задыхались, хотя неслись теперь быстрее пущенной из лука стрелы.

— Как, милорд? — удивился Тириан. — Неужели правду говорят легенды и вы двое были здесь в тот самый день, когда мир был создан?

— Да, — отвечал Дигори, — и мне кажется, это было только вчера.

— И про летающую лошадь? — спросил Тириан. — Тоже правда?

— Конечно, — сказал Дигори, но псы залаяли:

«Быстрей! Быстрей!»

Так они бежали всё быстрей и быстрей, а потом уже почти летели, так что даже орёл над их головами ничуть не обгонял их. Они пробегали долину за долиной, взбегали по крутым склонам холмов и ещё быстрее сбегали вниз, проносились вдоль речек, иногда пересекали их, переплывали горные озёра, словно живые гоночные лодки, пока за голубым, как бирюза, продолговатым озером не увидели зелёный холм. Склоны его были крутыми, как у пирамиды, вокруг вершины тянулась зелёная стена, а за стеной раскинули ветви деревья, и листья на них казались серебряными, а плоды — золотыми.

— Дальше вверх и дальше вглубь! — взревел единорог, и они помчались к холму и взмыли по нему, как волна в заливе взмывает на скалы. Хотя склоны были крутыми, словно скат крыши, а трава гладкая, как на крикетном поле, никто не поскользнулся. Лишь на вершине они замедлили бег перед большими золотыми воротами. В первую минуту ни один из них не ощутил в себе храбрости открыть их. Каждый чувствовал себя как тогда, при виде плодов: «Смеем ли мы? Дозволено ли? Нас ли здесь ждут?»

И пока они так стояли, звук огромного рога,

удивительно громкий и приятный, раздался в саду за стеной. Ворота распахнулись.

Тириан затаил дыхание и ждал, кто же выйдет. И вот вышел тот, кого он меньше всего предполагал увидеть: маленький, гладкий, остроглазый говорящий Мыш. На голове у него был обруч с алым пером, левая лапка лежала на рукояти длинной шпаги. Он поклонился — как грациозно он поклонился! — и произнёс тоненьким голоском:

— Во имя Льва, радуйтесь! Дальше вверх и дальше вглубь!

Тириан увидел, как король Питер, и король Эдмунд, и королева Люси бросились вперёд и встали на колени, приветствуя Мыша и восклицая: «Рипичип!» У Тириана перехватило дыхание: он понял, что перед ним один из величайших героев Нарнии, Мыш Рипичип, что сражался в великой битве при Беруне, а после ходил на край света с королём Каспианом Мореплавателем. Он замер, поражённый, и тут почувствовал, как крепкие руки обняли его, и к щеке его прижалась мягкая борода, и знакомый голос произнёс:

— Ну как ты, сынок? Вырос и похудел с тех пор, как мы расстались.

Это был его собственный отец, славный король

Эрлиан, но не такой, каким видел его Тириан в последний раз дома, бледным и израненным после боя с великаном; и даже не тот седовласый воитель, каким Тириан помнил его в последние годы. Это был молодой и весёлый король, которого он знал в раннем детстве, когда маленьким мальчиком играл с ним летними вечерами перед сном в дворцовом саду в Кэр-Паравале. Он вспомнил даже запах хлеба и молока, которые ему давали на ужин.

Алмаз сказал себе: «Пусть они поговорят, а потом я подойду и поприветствую славного короля Эрлиана. Немало сочных яблок получил я от него жеребёнком». Но в следующую минуту он думал уже о другом: из ворот вышла лошадь, могучая и благородная, и даже единорог оробел бы в её присутствии, — огромная крылатая лошадь. Она взглянула на лорда Дигори и леди Полли и заржала: «Братец! Сестричка!», — и оба с криком «Стрела! Стрела!» бросились её целовать.

Мыш снова поторопил их. Они прошли через золотые ворота в сладостное благоухание под деревьями, где мешались свет и тени и земля пружинила под ногами, и шли они по белым цветам и дивились, что внутри гораздо просторнее, чем казалось снаружи. Но никто не успел об

этом подумать, потому что со всех сторон шли встречать их.

Кажется, здесь были все знакомые вам создания (если вы помните историю Нарнии). Здесь были Сова, и квакль Хмур, король Рилиан, Спасенный от Чар, и его мать, дочь Звезды, и его великий отец, король Каспиан. А рядом с ними — лорд Дриниан, лорд Берн, гном Трам, и Боровик, славный Барсук с кентавром Громобоем и сотней других героев Великой войны за Освобождение. С другой стороны вышел Кор, славный король Орландии, и король Лум, его отец, и королева Аравита, и храбрый принц Корин Железный Кулак, брат его, а с ними конь Игого и кобыла Уинни. А потом — Тириан растерялся от изумления — из совсем далёкого прошлого вышла чета славных Бобров и мистер Тумнус, фавн. Сколько было приветствий, поцелуев, рукопожатий! Сколько вспомнилось старых шуток (вы и представить себе не можете, как здорово звучит старая шутка, когда её вспоминаешь через пять-шесть сотен лет!). Затем все направились в середину сада, где Феникс сидел на дереве и глядел на них сверху, а среди корней стояли два трона. На этих тронах восседали король и королева, столь величественные и прекрасные, что каждый низко склонился перед ними. И

неудивительно, ведь то были король Франциск и королева Елена, от которых произошли почти все древние короли Нарнии и Орландии. Тириан чувствовал себя так, как вы бы почувствовали себя перед Адамом и Евой во всей их славе.

Спустя полчаса — а может, спустя полсотни лет, время там не измерить — Люси стояла рядом с дорогим другом, самым старым нарнийским другом, фавном Тумнусом у садовой стены, глядя на расстилающуюся внизу Нарнию. Отсюда, сверху, казалось, что холм гораздо выше, чем вы думали: он опускался вниз сверкающими обрывами на тысячи футов, — и деревья в нижнем мире казались не больше зелёных песчинок. Потом она снова повернулась спиной к стене и посмотрела в сад.

— Я поняла, — задумчиво сказала она. — Я поняла теперь. Этот сад — как хлев. Он гораздо больше изнутри, чем снаружи.

— Конечно, дочь Евы, — ответил фавн. — Чем дальше вверх и дальше вглубь вы идёте, тем больше всё становится. Изнутри всё больше, чем снаружи.

Люси присмотрелась внимательно и увидела, что на самом деле вокруг не сад, а целый мир, с реками, лесами, морями и горами, и всё ей пре-

красно знакомо.

— Да, — сказала она, — это тоже Нарния, и ещё более прекрасная и настоящая, чем та, внизу, — совсем как та более настоящая и прекрасная, чем Нарния за Дверью! Понятно… мир в мире… Нарния в Нарнии…

— Да, — сказал мистер Тумнус. — Как луковица, только наоборот — чем глубже, тем больше каждый следующий слой.

И Люси стала вглядываться и обнаружила вокруг новые чудеса. На что бы она ни смотрела, даже если в самую даль, всё становилось совершенно чётким и близким, словно в подзорной трубе. Она видела Южную пустыню и за ней великий город Ташбаан; на востоке, на морском берегу, — Кэр-Параваль, и даже окно той самой комнаты, где когда-то жила. А далеко в море она различала острова и за ними — другие острова, до самого края света, а за краем света — высочайшие горы, которые они называли страной Аслана. Теперь она видела, что это лишь часть огромной горной цепи, окружающей весь мир, и эти горы тоже казались совсем близкими. Потом Люси поглядела налево и увидела то, что сначала приняла за гряду ярких облаков за ущельем. Приглядевшись внимательнее, она поняла, что это

не облако, а настоящая земля, а на ней… на ней… Она вдруг закричала:

— Питер! Эдмунд! Сюда! Смотрите! Скорей!

Они подбежали, и глаза у них округлились, как и у неё.

— О-о-о! — воскликнул Питер. — Это Англия! Это дом профессора Кёрка в деревне, где начались наши приключения!

— Я думал, его снесли, — сказал Эдмунд.

— Да, его снесли, — сказал фавн. — Но вы сейчас смотрите на Англию внутри Англии, настоящую Англию, как это — настоящая Нарния. И в этой, внутренней Англии ничто хорошее не пропадает.

Они перевели взгляд и застыли в изумлении, а потом Питер, Эдмунд и Люси закричали и стали махать руками — там стояли их собственные мама и папа и тоже махали им руками через широкую и глубокую долину. Помните, как машут с палубы большого корабля, который вы встречаете на пристани?

— А как туда попасть? — спросила Люси.

— Очень просто, — сказал мистер Тумнус. — Эта страна и та страна — все настоящие страны — лишь отроги Великих гор Аслана. Надо просто идти по хребту, вверх и вглубь, пока мы с ними не

встретимся… Слышите? Это большой рог короля Франциска. Нам нужно идти.

И вот они обнаружили, что идут все вместе огромной яркой процессией всё выше и выше по склонам высоченных гор, каких и нет в нашем мире. Они шли к вершинам, где не лежит снег, где искрятся водопады и зеленеют сады. Дорога их меж глубоких ущелий становилась всё уже и уже, и настоящая Англия за ущельем — всё ближе.

Ярче сиял свет впереди, Люси видела ряды разноцветных уступов, ведущих вперёд, словно гигантская лестница. А потом она забыла всё на свете, потому что явился сам Аслан. Он нёсся с уступа на уступ лавиной силы и могущества.

И первым Аслан позвал к себе ослика по имени Лопух. Я уверен, вы никогда не видели такого жалкого и глупого осла. Он казался совсем маленьким рядом с Асланом, как котёнок рядом с сенбернаром. Лев склонил голову и что-то шепнул Лопуху — и длинные уши обвисли; потом он сказал что-то ещё, и уши поднялись торчком. Никто не слышал, что он говорил.

Потом Аслан повернулся и сказал всем:

— Вы ещё не такие счастливые, какими я хотел бы вас видеть.

Люси ответила:

— Мы так боимся, что ты отошлёшь нас обратно, Аслан. Ты так часто возвращал нас в наш мир.

— Не бойтесь, — сказал Аслан. — Разве вы не догадались?

Сердца у детей подпрыгнули, и в них вспыхнула дикая надежда.

— Это была *настоящая* железнодорожная катастрофа, — тихо и мягко сказал Аслан. — Ваши папа и мама и все вы, как называют это в стране теней, — мертвы. Учебный год позади, настали каникулы. Сон кончился, вот и утро.

И пока Он говорил, Он всё меньше и меньше походил на Льва. А то, что случилось дальше, было так прекрасно, что писать об этом я не могу. Для нас это завершение всех историй, и мы честно можем сказать, что они жили долго и счастливо. Но для них это было только началом настоящей истории. Вся их жизнь в нашем мире, все приключения в Нарнии были только обложкой и титульным листом; теперь наконец началась глава Первая Великой Истории, которую не читал ни один человек на земле; Истории, которая длится вечно; Истории, в которой каждая глава лучше предыдущей.